

ВОЕННАЯ БОЕВАЯ
ФАНТАСТИКА

ЦЕНА ИМПЕРИИ ЧИСТИЛИЩЕ

ВЛАД ТАРХАНОВ
ИГОРЬ ЧЕРЕПНЕВ

Военная боевая фантастика

Игорь Черепнев

Цена империи. Чистилище

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Черепнев И. А.

Цена империи. Чистилище / И. А. Черепнев — «Издательство АСТ», 2022 — (Военная боевая фантастика)

ISBN 978-5-17-155438-5

«Проект „Вектор“» – тайная организация, занимающаяся изучением времени и попыткой переброса психоматриц людей в исторические личности прошлого. В ней готовится к внедрению в цесаревича Александра, будущего Александра III, пожилой историк, специалист по концу XIX века Михаил Коняев. Но в результате неожиданной природной катастрофы, темпорального шторма, происходит другая катастрофа – техногенная. И в прошлое отправляются уже несколько человек: один попадает в тело великого князя Михаила Николаевича, второй – в его сына Александра Михайловича. И происходит это в момент, когда Степан Халтурин активизирует взрывчатку в Зимнем дворце. История сошла с проложенной колеи.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-155438-5

© Черепнев И. А., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Пролог	6
Часть первая. Теория очень большого взрыва	8
Глава первая. Учитель и ученик	8
Глава вторая. Линия тьмы	12
Глава третья. Перенос	17
Из докладной записки врио начальника аналитического отдела	23
М. Н. Надеждина	
Часть вторая. Общежитие Европа	24
Глава четвертая. Русский вопрос	24
Глава пятая. Необъявленная война	30
Глава шестая. Уходящая вдаль	37
Глава седьмая. Око тьмы	41
Часть третья. Если пропадать, так с музыкой!	43
Глава восьмая. Выстрел дуплетом	43
Глава девятая. Кто в ком, когда и где	49
Глава десятая. Главное и неотложное	54
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Влад Тарханов, Игорь Черепнев

Цена империи. Чистилище

© Влад Тарханов, 2023

© Игорь Черепнёв, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Пролог

Два величайших тирана на земле: случай и время.
И. Гергер

Подмосковье. 19 сентября 2020 года

– Михаил Евграфович, вам надо посмотреть эти графики.

Ведущий научный сотрудник отдела статистической темпористики организации, именуемой «Проект „Вектор”», профессор Надеждин уставился на подбежавшего к нему, запыхавшегося оператора систем наблюдения и контроля ветвей исторического дерева лейтенанта Головоножка.

– Так, Лёня, отдышись, запыхался, как паровоз на сорокаградусном подъеме. «Ракету»¹ Стефенсона наблюдал? Один в один с ним дышишь. Пошли ко мне, нечего тут на коридоре волну гнать, покажешь и расскажешь.

Когда они зашли в кабинет профессора, тот рухнул в свое кресло и активировал монитор ноутбука. После того как удачно прошла засылка хроноагента Андрея Толоконникова в конец 1939 года², в результате чего от древа мира отпочковалась новая стабильная реальность, в проект наконец-то стали вливать очень приличные средства. Это позволило не только дополнительно набрать новый персонал, но и приобрести самое современное оборудование. И одновременно ужесточить и без того драконовские меры по обеспечению секретности и дезинформации партнёров и коллег различного масштаба, а проще говоря, потенциальных противников.

– Показывай!

– Вот они, Михаил Евграфович. Эта наша новая стабильная реальность, РИ-43, но она не настолько устойчивая, как предполагалось согласно расчетам. Смотрите, мы наблюдаем там отпочковывание как минимум трех ветвей, которые можно считать относительно перспективными. По нашим прикидкам, можно туда перебрасывать хрономатрицы, но в точку, которая ниже декабря 1939 года. И это позволит добиться серьезного уменьшения энергозатрат по сравнению с пересылкой хрономатрицы в нашу стволовую часть реальности.

– Леонид Макарович, разве это не подтверждает наши теоретические выкладки? Что тут неправильного. Стоп! А вот это что за фигня? Что это за флуктуации, Лёня? Это из-за них ты меня решил взять за жабры?

Доктору наук профессору Надеждину недавно исполнилось тридцать восемь лет, из молодых дарований, мало кому удавалось защитить докторскую в двадцать пять, да еще и минуя кандидатскую. Из-за своего характера учёный удачно избежал тлетворного влияния «общечеловеков» и прочей либерастической отравы. В его речи молодежный сленг присутствовал порой в очень неприличных количествах, но не слишком скромный гений, делавший в уме сложнейшие расчёты, всегда отличался некоторой экстравагантностью, и даже на грани сороковника эта оригинальность никуда не делась, а стала еще более ярко выраженной.

– Так точно, товарищ ведущий научный сотрудник. Это энергетические выбросы. Пока что мы зафиксировали их пять штук всего. Амплитуда – умеренная. Я бы даже сказал, что весьма слабенькая, но как-то тревожно.

¹ «Ракета» – самый известный паровоз Джорджа Стефенсона, созданный в 1833 году (его первый локомотив «Блюхер» был создан намного ранее, в 1814 году, назван в честь победителя Наполеона). Надо признать, что сорокаградусный подъем для этого паровоза был бы непреодолимым препятствием.

² См. серию «Проект „Вектор”» Влада Тарханова.

– Есть корреляция между флуктуациями энергии и образованием в РИ-43 новых стабильностей? – профессор застучал по клавишам.

– Образований новых стабильностей – три штуки, выбросов энергии – пять штук. Совпадение с образованием в двух случаях: первом и третьем. Я тут никакой зависимости не вижу.

– Не обижайся, Леонид, то, что ты не видишь, не означает, что этой взаимосвязи нет. Надо просчитать. Очень надо... В общем, звоню Михайловичу, пусть шеф объявляет аврал! Хорошо, спасибо, Лёня, сейчас организую мозговой штурм проблемы.

– Извините, Михаил Евграфович, а не получится так, что мы тут черную дырочку организуем? Коллайдер не потянул, так вроде мы сподобимся...

Лейтенант выглядел слишком уж струхнувшим.

– Не бойсь, вояка! Пока что ни по какой теории черной дырой не пахнет, от слова совсем... Но вот что день грядущий нам готовит, этого я тебе сказать достоверно не смогу! Считать надо.

– А можно я в ваш штурм свой плевочек внесу? – неожиданно осмелел Головоножка.

– Ну, внеси, – почти без эмоций отозвался профессор, увлеченно что-то просчитывая в открытом математическом приложении.

– А если это *оттуда* попытаются пробиться к нам *сюда*? А?..

– Лёня, плиз, иди, работай, я твою версию учту, посмотрим, что покажут расчеты. Надо попросить время у супера, вне очереди... Извини, мне надо заявку срочно бросить! И ещё, Лёня, отслеживай всплески и проверь, что там с микрофлуктуациями, какая по ним статистика? Разрешение аппаратуры позволяет их уловить?

– Позволяет. Сделаем, Михаил Евграфович, главное, что это не черная дырочка... остальное не так страшно...

Когда лейтенант покинул кабинет профессора, тот по селектору вызвал сотрудников на срочное совещание и грустно заметил:

– Лёня, Лёня, мы ведь сами не знаем, на что способно время, может быть, окажется, что чёрная микродырочка будет за благо!

* * *

Одно слово от авторитарного коллектива: все даты в произведении даны по новому стилю, дабы уменьшить количество скобок в тексте и упростить его восприятие.

Второе слово из того же первоисточника: события, герои, их отношения и соотношения вымышлены и с реальными фигурами-однофамильцами никаких точек соприкосновения не имеют.

Оба слова касаются всех книг серии.

Часть первая. Теория очень большого взрыва

*Если ты выстрелишь в прошлое из пистолета, будущее
выстрелит в тебя из пушки.*

А. Гафуров

Глава первая. Учитель и ученик

*Учитель, воспитай ученика,
Чтоб было у кого потом учиться.*

Б. Левин – Е. Винокуров³

Подмосковье. 12 октября 2020 года

Коняев

За окном – золотая осень. То время, когда на дворе еще не прелюдия зимы, а воспоминание об уходящем лете, когда листва на кустах и деревьях не осыпалась грязно-серыми комками на землю, а трепещет золотом и багрянцем. Мое любимое время года. Я точно знаю, до зимы не дотяну, ну, тут уж извините, мне девяносто два года, пожил уже. Никаких сантиментов и сожалений. Есть такая болезнь, которую наука пока лечить не научилась, она называется старость. Меня зовут Михаил Николаевич Коняев. По профессии историк, академик еще доперестроечных времен. С гордостью могу сказать, что меня считали самым скандальным историком времен Советского Союза. Не без оснований меня называют последним академиком из СССР: я был избран членкором буквально накануне распада страны. Скандальным я был по той причине, что слишком мало ссылался на классиков марксизма-ленинизма, впрочем, для конца восьмидесятых это было не столь критично, даже несколько поощрялось. Мои работы были посвящены состоянию сельского хозяйства в России в период с конца шестнадцатого и до начала двадцатого века. Учитывая, что от наличия продуктов питания зависит безопасность государства, я и разбирал не только уровни урожайности, но и политические и экономические аспекты жизни страны, от сельского хозяйства зависящие. Классовый подход? Да нет, не это было главным, кстати, я считал, что роль личности в истории советскими учеными слишком недооценена в силу давления классовой теории, которая в нашей истории как-то не работает так, как представляли себе классики марксизма. За иммунитет ко всяким «измам» я был сначала бит, потом обласкан, затем отправлен на синекуру: будучи пенсионного возраста получил кафедру истории земельных реформ в России. Пустое место. И кафедра. И реформы. Семь монографий, плюс три в составе коллектива авторов. Шестнадцать кандидатов и три доктора исторических наук. Заслуги есть. С кем я был знаком, кого я консультировал, рассказывать не буду. Сами видите, что у нас происходит, поэтому зачем говорить о том, что так и не получилось реализовать? Извините, мне надо поговорить с одним человеком:

– Евгений Викторович, что вы мне ответите? Я понимаю, это нарушение режимности объекта и всё такое прочее...

По глазам куратора вижу, что последняя моя фраза ему активно не понравилась.

³ Эти строки из стихотворения поэта Бориса Левина, который немного перефразировал Евгения Винокурова, у которого первым словом в фразе идет слово «художник», а не учитель.

– Михаил Николаевич, вы должны понять, что режим есть режим...

– Евгений Викторович! Для меня это очень важно. Понимаете, это реализация всех моих планов, развитие идей, которые так и не были признаны научным сообществом в мое время. Я должен знать все подробности.

Виджу, что не могу пробить эту глухую защиту...

– Да вы поймите, товарищ майор, после этого разговора я могу идти за черту с чистой совестью, меня тут уже ничто не будет удерживать.

Кажется, до него дошло...

– Вы понимаете, что я беру на себя такую ответственность...

– Вы только скажите, где мы сможем спокойно поговорить? В обществе вашего сотрудника, конечно, ничего секретного я не выдам, но пусть человек присутствует.

– Ладно, уговорили. Когда?

– Завтра. В шестнадцать ровно. Это будет после защиты. Сейчас ресторан с пьяными учеными не приветствуется к радости соискателя, который может немного сэкономить (из-за эпидемии), чествуют небольшим фуршетом прямо на месте события. Так что в шестнадцать он будет тут, ну, где скажете.

Конюхов

Звонок Учителя прозвучал неожиданно накануне защиты. В последнее время я сильно нервничал, а мой мэтр был фактически вне игры – снова стало сдавать сердце, и его положили в какую-то новомодную клинику за городской чертой. Правда, необходимые для защиты диссертации документы он подписать успел. А вот присутствовать на защите – нет. Вы знаете, что при защите докторской диссертации научного руководителя у диссертанта нет, его роль исполняет консультант, каким для меня и был академик Михаил Николаевич Коняев. Меня зовут Александр Михайлович Конюхов, я знаком со своим Учителем еще со студенческой скамьи. Мне сейчас шестьдесят два, две недели назад как отметил в узком кругу это грустное событие. Михаил Николаевич читал нам курс лекций по вопросам земельных отношений в дореволюционной России, разбирая особенно подробно причины провала любых реформ в этой области. Единственными эффективными преобразованиями в земельных отношениях оказались предвоенные реформы большевиков. В аспирантуру я поступил сразу после окончания военной службы. Была возможность «откосить» от армии, такая дурацкая штука, как совесть, не позволила. Прошел Афганистан. Была возможность «откосить» и от поездки в эту «дружественную» страну. Та же самая штука, о которой я говорил ранее, не позволила. Остался на сверхсрочную, застал вывод наших войск, прикрывал отход нашей дивизии в составе роты спецназа. Два легких ранения. Наград не получил. Как говорил наш замполит, из-за своего длинного языка. Язык мой – враг мой, да, это как раз про меня. А потом была защита кандидатской диссертации. Я выбрал очень скандальную тему, если бы не перестройка и не Афган за моей спиной, то не защитился бы. Тема кандидатской звучала так: «Скрытые механизмы Октябрьского переворота. Роль офицеров Генштаба в подготовке и проведении вооруженного захвата власти партией большевиков». Моим оппонентом был академик Коняев. Его отзыв был самым желательным, хотя главу о причинах Октября он раскритиковал. А после защиты (я проскочил впритирку, буквально один голос «за» стал решающим, набрал неписанный минимум в две трети) мы с Михаилом Николаевичем стали общаться намного чаще. Мне тогда было тридцать шесть. И больше четверти века шёл к своей докторской под чутким руководством Коняева. Про нас шутили: «и на нашего Коня нашелся свой Конюх»... На шутки я не обижаюсь, но за оскорбления сразу быю в рыло, привычка такая после Афгана осталась... Личная жизнь? Да не сложилась как-то. У меня было два легких ранения, но оба в голову, скорее всего, недолеченная контузия. Иногда у меня случались припадки, что-то вроде эпилептических, только без судорог. Иногда терял сознание и падал, из-за этого мне отказали в правах на вождение авто-

мобиля. Двести, совершенно не лишних для меня, баков исправили ситуацию. Теперь я за рулём. Чувствую приближение приступа за несколько минут и успеваю присесть или припарковаться. Знаете, интересное чувство: мгновенно наступает темнота, а ты висишь над своей упавшей тушкой и наблюдаешь за собой вроде как со стороны. Потом кто-то лупит тельце по щекам или суёт под нос какую-то вонючку, обычно этого достаточно для того, чтобы вернуться. Такие вот галюники, получается... Беру в руки уже переплетенную рукопись. «Реформы Александра II и контрреформы Александра III». Ну что, завтра в бой! «И вечный бой, покой нам только снится...»⁴

Подмосковье. 13 октября 2021 года

Полковников

– Женя, объясни мне, тёмному человеку, какого?

Вопрос тяжелой скалой повис в воздухе, готовясь размазать оппонента по паркету... Почему-то выпускающий (так теперь называлась должность Николая Степановича Полковникова, оставшегося одной из ключевых фигур проекта «Вектор») терпеть не мог эти новомодные покрытия, а в своем кабинете оставил паркет еще советских времен, который аккуратно отреставрировали, покрыли лаком, дали ему новую жизнь и оттенили весьма красивую фактуру, присущую только натуральной древесине.

– Николай Степанович! Я взял на себя ответственность, вы же знаете, как психолог я отвечаю за готовность хроноагента к транспортировке.

– А я думаю, что вы, Евгений Викторович, проявили вопиющую безответственность. Возраст агента, состояние его здоровья, это вы учли? Если уже так надо было организовать эту встречу, так почему не на базе? Тут до реанимации из любой точки – три минуты и аппаратуру можно запустить за пять минут! А что у нас? За сколько вы гарантируете доставку агента на точку старта?

– Десять минут, максимум!

– Целых десять минут, дол...б! – Не выдержал полковник, распекая подчиненного, он добавил к последнему слову еще две связки самых разносторонних эпитетов, из которых психолог проекта почерпнул много нового и о себе, и о своей физиологии, и о сексуальных предпочтениях не только своих, но и родителей заодно. Вообще-то Полковников (который полковник одновременно) был человеком крайне сдержанным и хладнокровным. Для него такие вспышки гнева были не характерны, он срывался на мат всего три-четыре раза, и этот случай стал пятым за всю его жизнь!

Евгений Викторович Сипягин сначала покраснел, потом побледнел, а потом стал бордовым, как отварная свекла в украинском борще.

– Я бы вас попросил, Николай Степанович! Я бы вас очень попросил...

– Так... рапорт мне на стол! Резво! Шевели лапками, б... Когда должна быть эта встреча?

– С минуты на минуту!

– Что? А с академиком сейчас кто?

Тут побледнел уже полковник, чувство приближающегося северного зверька сдавило ему грудь.

– Так это, Мариночка... Она всегда профессора выкатывает на прогулку, и я еще, так вы меня вызвали.

– Он еще не укатил? – полковник раздраженно забарабанил костяшками пальцев по дубовой столешнице.

⁴ Блок А. На поле Куликовом.

– Никак нет, когда я к вам шёл, Ведерникова уже спускала агента к выходу. Думаю, они уже на месте...

– Отставить рапорт! Молнией к академику, и если с ним что-то случится, то ты будешь первым, кто покинет «Проект» не по собственному желанию. Ясно?

– Так точно, – почему-то по-военному ляпнул психолог и помчался по коридору к служебному лифту.

«Только бы пронесло, только бы с академиком ничего не случилось!» – думал выпускающий. После первого успеха была череда неудач, вызванная не слишком удачным материалом. Удалось установить, что психологическая готовность умереть (не путать с навязчивым стремлением к самоубийству) стала главным условием успеха переброса хроноагента в прошлое. При этом еще имел значение и багаж знаний, которые были необходимы агенту, ведь никаких материальных вещей в иную реальность забрать с собой невозможно. Только знания, опыт, навыки, рефлексy. В этом плане Коняев оказался очень удачным приобретением. Он был дважды женат и благополучно пережил своих супружниц, имел двух сыновей (от разных жен), оба с середины девяностых перебрались за пределы Отечества. А Михаил Николаевич никуда переезжать не собирался, хотя его и приглашали. Хотел умереть на родной земле. Обычная стариковская прихоть, которую надо было уважать. А его гигантский жизненный опыт! А знание той эпохи, в которую собираются послать хроноагента! Это же сам Всевышний дал нам такой шанс, и не дай бог, чтобы с академиком что-то произошло! Удивительное дело – этот человеческий мозг! Казалось бы, девяносто два года, малярия стоит на пороге! Так нет – никаких признаков деменции нет и в помине! Светлый ум, отличная память, причем никакого склероза! А что вы хотите, если свою последнюю монографию Коняев отдал в издательство всего год назад! И его книги издаются не только у нас, но и за рубежом, переведены на шестнадцать языков мира! И вот он согласился попробовать себя в «Проекте „Вектор”»... Только бы с ним было всё хорошо!

Глава вторая. Линия тьмы

*Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый
прокуратором город.*

М. А. Булгаков

Подмосковье. 13 октября 2021 года

13 октября в Москву пришел циклон. Но ветер, стремительно рвавший плакаты и афиши, задиравший юбки горожанкам, выбивавший зонтики из рук и срывавший шляпы и бейсболки с голов неосторожных прохожих, к обеду только усиливался. Этот ветер пришел не с северных льдов, неся холод и снег, не с Южных Украин, даруя теплые дожди, он пришел с запада, напавший в Средиземье и британских морях мороком, туманом и мрачной грозой. И нёс с собой тьму. В городе стало как-то по-зимнему сумрачно, серая мгла затягивала горизонт, ставший от этого унылым и беспросветным, а на мрачное, унылое серое небо начинали заползать громады отяжелевших грозовых облаков, с их черно-красным подбоем.

«Хорошо, что сегодня не пятница...» – подумал обыватель, съезжившись, добираясь на место кормления офисного планктона. «Хорошо, что сегодня можно никуда не идти...» – решила про себя молодая художница, нырнув с головой в незаконченный холст, при этом не забыв грязную пятерню вытереть о всклокоченную от непрофильного употребления прическу. «А нам всё равно!» – твердили нестигаемые старушки-пенсионерки, спешащие по своим делам в тот самый час пик, когда и без них в общественном транспорте иголке упасть некуда. Но тьме было на всех наплевать – она поглощала город, квартал за кварталом, медленно и неотвратимо, минута за минутой, час за часом, и постепенно город стал исчезать, полностью погрузившись в беспросветную мглу. Первыми исчезли башни Москва-сити, и стало казаться, что город проваливается не во сумрак непогоды, а во мрак прошедших веков.

Конюхов

Я купил эту машину двенадцать лет назад. Она уже тогда не была новой, но во вполне приличном состоянии. Обычная «Лада Калина», мне иномарка не по карману. А тут и салон достаточно просторный (не люблю, когда колени упираются при посадке в авто в подбородок), и девочка моя не прожорливая. Наверное, надо перестать нервничать, а то я до Перепупинска, где прячется от людей и болезней академик Коняев, мой учитель, никогда не доберусь. Интересно, кто это нашёл такую дыру недалеко от Москвы? Я же был уверен, что в ближнем Подмосковье такой хренотени быть не должно! Её даже на навигаторе нет, пришлось ориентироваться на Лыткарино, а уже оттуда двигаться до Володарского, вот тут и произошёл затык. По описанию профессора мне надо было от поселка Володарского добраться по дороге на Колычево (одно из многих в Подмосковье)⁵. Тут еще было понятно: сначала через речку Парху перебраться по мосту между Большой Володаркой и Малой Володаркой, дальше маршрут: Константиново, Плетениха, Новлянское, Семивраги... и всё? Нет дальше ничего. Лес тут есть. Смотрю Гугла-карту, аэрофотосъемку, ну вот, вот эта дорога к лесу от Семиврагов вроде бы то, что мне было нужно, ну и что? Что дальше? Куда? Зачем? Нет тут ничего. Лес и всё! Ладно, тут мне академик написал: от этого сельца сделать звонок. А связь? Раз пишет, значит есть. И звонил же он мне. Звонил! Разбрасывая октябрьскую грязь, автомобиль с трудом добрался до деревеньки... Ну, здравствуй, жопа мира! Над головой низко пролетел самолет, идущий на посадку

⁵ *Колычево* – одно из подмосковных владений знаменитого боярского рода Колычевых, давших России много военных и государственных деятелей; самую большую опалу род потерпел при Иване Грозном.

в Домодедово. Вспомнил народную примету, что низко летящие самолеты – это к дождю. Деревушка эта никакая, пара десятков домов да полсотни с небольшим жителей на всё селение. Живут одни старики. Звоню. Трубку берет женщина, представляется медсестрой, рассказывает подробно, как дальше ехать. О! Понял. Вот сюда идёт улица, Золотая, там местная амбулатория, ага Новые Семивраги, тут деревушка на деревушке. А вот и нужная мне дорога – ныряет в лес. А массив тут большой, идет по излучине Пахры, наверное, километров квадратных десять-двенадцать будет, как минимум. Еду через ряды старых деревьев, густые и заросшие темным подлеском. Пока пересекал чащу, стало совершенно темно, просвет появился только после того, как вырвался на опушку. О! А вот и госпиталь. Наверняка в нём мой академик и лечится. А живёт в санатории в лесу. Хорошо. Проверяю. Улица Заречная, значит, еду правильно. Чуть было не пролетел мимо! Торможу. Возвращаюсь. Сторожка лесника. Шлагбаум. Дорога идёт в глубь зарослей. Из сторожки выходит лесник, мужик квадратный, плечи здоровенные, сам невысокий, но я таких по Афгану знаю – с ним лучше один на один не встречаться: заламает и, зевая, пойдёт дальше, не потратив сил больше, чем на ловлю блохи у любимой кошары. Внимательно посмотрев на машину, как будто рентгеном прошелся, «лесник» поднимает поперечину из массивной трубы, ага, тут легковушкой не проскочишь – никакой тебе деревяшечки на перекладинах – всё крепко и массивно. Удивительно, но прямо в лес идет асфальт. И тут я выезжаю к ограде. Тут место под стоянку машин, навес, две иномарки ждут своих хозяев. Паркуюсь. Сейчас должен показаться Конюхов. Вот только обрадовать его нечем. И мучает мысль: не повернуть ли мне обратно? Но учителя нервировать нельзя. А так, может быть, смогу ему всё преподнести аккуратно. О чём это я?

Сейчас я поражаюсь одному: как он меня просчитал! Ладно, давайте обо всем буду рассказывать последовательно, пользуясь правильным научным методом – подробно и не забывая о деталях. В диссертационном совете нашего университета моя работа никаких возражений при ее предоставлении не вызвала: оформлена правильно, тема раскрыта, замеченные недостатки были оперативно исправлены. Но тут произошла ротация в этом самом «научном трибунале», у нас эта процедура была прописана в уставе университета. Пришло пять новых человек, в том числе и профессор Незванько. Николай Тарасович был выходцем из Тернопольщины, ему шел семьдесят четвёртый год. В возрасте тридцати лет он защищал кандидатскую, в историческую науку шёл по партийной линии, имел серьезную «мохнатую руку» в столице, так что поступил просто и эффективно: ему достали «кирпич с грифом»⁶, который он и передрал, причём многие куски текста не удосужился даже чуть-чуть изменить. На его беду официальным оппонентом был академик Коняев, который хорошо знал текст первоисточника: ее писал один из его учеников. Он не только обвинил молодого соискателя в плагиате, но и доказал факт бессовестного заимствования.

Николай Тарасович защитился через год, немного подрихтовав текст, изменив тему и метнувшись в другой научный совет. Видимо, ему помогли выбрать правильных оппонентов и нужных рецензентов. Защитился он в периферийном научном совете и вскоре получил звание доцента и должность проректора по административно-хозяйственной работе одного из столичных вузов. Так сказать, политическая структура усилила воспитательное направление исторической науки. Докторскую он защитил в восемьдесят восьмом, когда по стране всю гуляли перестроечные ураганы. Но его докторская была на удивление скромной, беззубой, доказать ее актуальность и научную новизну было сложно, но Незванько воспользовался проверенным рецептом: защищался на периферии и в научном совете прошел без проблем. Диссертация была написана двумя кандидатами исторических наук, так что с самим текстом проблем не было, со скрипом и не без смазки, работа прошла ВАК, и Николай Тарасович получил профессора. В начале девяностых он частенько хвастался тем, что был потомком полиция, а его

⁶ Так на научном жаргоне называют «закрытые» диссертации, идущие с грифом «Секретно».

дядя сражался в мельниковских бандах, «освобождая Украину от большевистского засилья». Потом, в нулевых, быстро вновь переориентировался, стал ярким русским «патриотом» и поддерживал самые отъявленные националистические движения, чисто с позиций исторической науки. Пока что профессор Незванько чувствовал себя неплохо, имел кафедру, несколько диссертантов, участвовал в различных форумах, даже регулярно получал гранты, так что извините, был силой, и с ним считались.

И вот, получилось, что я заимел в научном совете человека, который имел на меня зуб, даже не на меня, а на моего учителя, но отомстить академику, унизив (завалив) его ученика, – так это ж отложенная месть, которая намного слаще мести немедленной! Я как-то не обращал на возню в совете внимания, я был занят работой, шлифовал текст, заканчивал редактировать монографию, которая заинтересовала несколько издательств, так что у меня был даже выбор, где издаваться. «Два Александра – противостояние русских элит на изломе эпохи». Сигнальный экземпляр получил еще до защиты и спокойно вставил в текст ссылку на эту работу. И вот он, мой Рубикон! Предзащита прошла успешно, замечаний принципиальных не было, недостатки оперативно устранены. Две рецензии – положительные. Предварительные отзывы официальных оппонентов – мне передали, что все хорошо, работу оценили высоко. И вот во время обсуждения на сцену выкатился профессор Незванько. Почему выкатился? Маленький, толстенький, с лысиной во всю голову и клоками седых волосинок в виде островков на темечке и за ушами, с крысиной мордашкой, страдающий одышкой и с солидными мешками под глазами, он перед тем, как начать речь, чуть пожевывал ртом, как будто перерабатывал оппонента на мелкие детальки прежде чем проглотить. А потом профессор решил поставить под сомнение даже не научную новизну, а вклад диссертанта в эту работу. Надо сказать, что он хорошо изучил мой труд, даже не автореферат, а именно текст диссертации, указав на то, что значительная часть опубликованных по теме работ была в соавторстве с академиком Коняевым. Затем приводил цитаты из работ самого академика, причём вырванные из контекста, сравнивал с моими идеями и утверждал, что работа – заслуга Михаила Николаевича, который на старости лет решил таким образом утвердить свои сомнительные концепции в исторической науке. Человеку, не знакомому с моей работой, это выступление могло показаться более чем убедительным.

Потом профессор Тарас набросился на мою личную концепцию преломления социальных факторов через личную психоматрицу человека, в которой доказывалось, что традиции и особенности воспитания, социальной среды, обучения влияли на исторические процессы, делая их из железно детерминантных, простите, заговорился... Делая их из строго закономерных непредсказуемыми, причём то, каким образом проявится реакция конкретной личности на стрессовую историческую ситуацию, абсолютно точно предсказать невозможно. И История часто сворачивала в сторону от закономерного пути только потому, что на ее пути оказывалась психика одной-единственной личности. Тут уже Незванько оторвался по полной программе, доказывая полную несостоятельность моих воззрений, которые тут не так сильно пересекались с идеями академика Коняева. Получалась интересная схема: мои диссертационные успехи – заслуга академика, а идеи собственно диссертанта – полный отстой, из-за которого нет смысла портить бумагу. И вообще надо бы отправить эту рукопись на помойку и заняться серьезными научными исследованиями.

А вы еще не знали, что научный мир – то еще болото, и подставить кого-то, провалить – любимое занятие многих «деятелей» от науки?⁷ Да, тут был такой нюанс, академик Коняев уже удалился от активной работы, чтобы его как-то поддержать, я советовался с ним по некоторым работам, статьям и в них ставил его соавтором. Обычно статьи дополняют фамилиями ректора или секретаря научного совета, или кого еще, кому очень надо, чтобы появилась в послужном списке печатная работа. Я же поступал не так, как все «нормальные» люди, сейчас

⁷ Для тех, кто не верит, рекомендую прочитать воспоминания Виталия Левина «Моя жизнь в науке». Увлекательное чтение.

за это и расплачивался. Ничего, отбил. Меня неожиданно поддержал академик Басармян, который, кстати, с Коняевым был далеко не во всём согласен. Но с Аванесом Арутюновичем я лет восемь назад советовался по положениям докторской. Вот это академик и вспомнил. Приятным сюрпризом было и выступление официального оппонента, который подчеркнул интересные методы именно психологической части исследования, настаивая на перспективности применения их для дальнейших научных разработок. Вроде бы атаку Незванько мы отбили, но при ответах на другие вопросы профессор Тарас вставлял язвительные замечания про академическую убогость Михаила Николаевича, а потом еще спросил, каким образом неизданная монография попала в список работ диссертанта. Ну, тут я и вспылел. Вытащил на свет сигнальный экземпляр и высказал старому мерзавцу всё, что о нём думаю. Скандал! Да еще и какой! Сам себе подгадил. Из девятнадцати членов научного совета шесть чёрных шаров. Шесть! Это был провал, катастрофа. Стало совершенно ясно, что ВАК докторскую не пропустит.

Закурить бы! Да бросил! Врачи строго-настрого запретили с этими моими потерями сознания курить – сосуды головного мозга надо регулярно расширять. Я спросил тогда: «Коньяк подойдёт для расширения сосудов?» На что мне ответили: взять столовую ложку! хорошего!! коньяку!!! Подержать тридцать секунд во рту и... выплюнуть!!! Я тут кучу восклицательных знаков бы поставил: по одному восклицательному знаку за каждое матерное слово, которым наградил всех эскулапов и этого, в частности. На что невозмутимый доктор, записав пару понравившихся ему оборотов в блокнотик, заметил, что мне его рецепт, скорее всего, не подойдёт. Вот предлагал мне Мишка Порошин, друг детства, записать все эти высказывания... и издать отдельной книжкой. Уверяет, что денег нагреб бы столько, что ни о какой докторской и не помышлял. Но мне литературные лавры ни к чему. Забесплатно могу сказать кому и чего надо... И чаще всего это мне выходит боком. Жаль, Никита Сергеевич не дожил и не услышал сии перлы великого, могучего, командно-армейского языка. А иначе бы он с художественной братией на выставке изьяснялся намного точнее! А то только пид...ы да пид...ы, как-то односкладно, без изысков и фантазии...

А место тут действительно удивительное: густой лес с совершенно непролазным подлеском, смешанный; вот тут дубочки, тут березы, здесь в сезон белых грибов должно быть тьма-тьмушая, вот только живая изгородь не даст грибнику и шанса – если бы не дорога, тут шаг вправо, шаг влево – можно и машину погубить и самому себе чего-нибудь переломать. Ветви деревьев сплелись на пяти-шестиметровой высоте так густо, что кажутся одной шапкой, накрывшей всё это пространство, так, а почему ни в навигаторе, ни на Гугле не увидел этого здания за высоким забором? Я же фото с Гуглы смотрел, они там чисто спутниковые снимки печатают, да еще и актуально обновляемые. За три месяца тут такого бы никто не построил. Ладно, почему-то не хочется проверять, тем более что в массивных и, скорее всего, бронированных воротах образовалась такая калиточка, и из неё выкатилась коляска со знакомой фигуркой академика, прикрытого уютным красным клетчатым пледом. Вообще-то старик обожал тарахтящие такие самодвижущиеся креслица, в пару лошадиных сил электромотора, а тут... его катили с двумя такими сиськосилами на ручной тяге! Третий-четвертый размер как минимум! Блин! Сразу вспомнился анекдот: стоят в коридоре универа старенький-старенький академик и еще моложавый доцент. Тут мимо студентка с айкью по формуле $99,5 - 59,9 - 96,4$ проходит, виляя знаменателем своего «интеллекта», доцент аккуратнo так (чтобы не смести нах) толкает локтем академика в бок: «Степан Аркадьевич, хочешь трахаться?» – «Не-а...» – невозмутимо отвечает академик. «Счастливей!» – горько вздыхает доцент. И вот стою я, совершенно несчастный доцент, и жду прибытия счастливого академика, чтобы получить академический фитиль, и дай бог, чтобы не самым извращенным способом.

А Коняев уже подъезжает, а моторчик его кресла всё цокает копытцами да цокает, чего ей, цокалке, спешить, она мне каждым своим цоком душу переворачивает! Вроде как ощутил вторую молодость... Хорошо, что штаны курткой прикрыты, а то совсем было бы неудобно от

эффекта помолодения (ну не чувствую я себя омолодившимся, вот помолодевшим минут так на двадцать – двадцать пять, это да). Подъехали. И тут я слышу такое бодренькое:

– Ну что, ученичок, обосрался?

Глава третья. Перенос

Жизнь – это вопрос времени.

В. Резников

Подмосковье. 13 октября 2021 года. 16:10

Коняев

Сегодня с утра я чувствовал себя более чем неплохо. Даже сердце, которое уже не первый год ощущаю ступором пульсирующей боли (самое лучшее, это когда ее величество Боль стихала настолько, что я позволял себе не замечать оную), отпустило... Притихло, и я мог сказать себе: не чувствую! Мне как-то говорили старые врачи-профессионалы, что у хронического больного перед смертью наступает временное улучшение: организм мобилизует все свои последние силы, чтобы хоть на мгновение каким-то рывком почувствовать себя снова в порядке. Да не важно это, пожил! Наверное, ожидание триумфа моего ученика (а иного результата защиты этой добротной, выполненной на совесть работы быть не могло) придало мне жизненных сил. Вот, даже медсестра Марина Ведерникова (интересно, какой у нее чин в госбезопасности?) – ходячий ступор сексуальной энергии – заметила, что моё состояние намного лучше. Ага, ага... так я ей и поверил. В моём состоянии лучше – это когда уже *там*.

Чем ближе к четырем пополудни, тем лучше себя чувствовал, практически точно представляя, как проходит защита, от выступлений оппонентов, ознакомления с рецензиями, дискуссии, примерно какие вопросы и кто может задать, а что и как отвечать – это мы с Сашей Конюховым прошли, и неоднократно. Этот молодой человек попал мне в ученики во многом случайно. Он защищал кандидатскую под руководством одного из замшелых монстров, ага, кстати, тот его руководитель на пять лет меня был моложе, правда умер в семьдесят, бывает. Я себя замшелым как раз не считаю, многие мои идеи до сих пор вызывают споры, и по ним идут не слишком оживленные (будем говорить правду) дискуссии. Сашко имел интересные воззрения, но не владел системным подходом, поэтому не мог понять, какие из его соображений имеют ценность, а какие, несмотря на оригинальную обертку, оказываются пустышкой. При нашем первом серьезном разговоре мы рассорились вразг. Но меня давно так аргументированно никто не полоскал! Понравилось! Встретились снова. Разговор шел на высоких тонах, но неожиданно мы поняли, что говорим на одном языке, а вот термины употребляем несколько в различных интерпретациях. Тогда попробовали сделать уточнение этих самых непокорных двояковогнутых терминов. Так появились наброски Системы. Нет, не тайной шпионской организации, а пласта научных знаний, без которых никуда. Кто кого в нашем дуэте учил? Так вы изучайте диалектику, господа и товарищи! Я учил Сашку, Александр учил меня. Так всё устроено в этом бренном мире!

Сначала наш тандем разродился серией статей. Затем вышла совместная монография. Затем Сашка задумался над докторской, которую начал писать еще до поступления в докторантуру. И я был уверен в том, что у него всё получится. Понимаете, у меня было не очень много учеников. Нет, диссертантов было достаточно, учеников не было! Никто не собирался принимать знамя сомнительных, с точки зрения научного официоза, идей. Каждый занимал свое место в научном социуме, после защиты забывая своего руководителя напрочь. С Конюховым было не так. Его идеи и мои идеи стали таким гремучим историческим коктейлем, который обязательно должен был дать результат!

В пятнадцатом, когда тема докторской была утверждена, диссертация была практически закончена. Но более пяти лет Александр уточнял работу и вносил в нее необходимые изменения. Я участвовал в формировании диссертации на первом ее этапе, а вот во время этого

периода с удивлением заметил, что на основе моих идей Саша Конюхов сумел создать свою оригинальную теорию, в которой научные воззрения академика Коняева нашли закономерное, хотя и весьма своеобразное развитие. Так что будущему профессору и, почему бы не загадать, академику Александру Михайловичу Конюхову «светит» большая научная карьера.

Вот и подошло время встречи. Мариночка, запихнув в халатик какие-то медицинские причиндалы, чуть замешкавшись, выкатывает меня за ворота объекта. Электродвижки позволяют легко отворить «калиточку», представленную массивной бронированной плитой. Знаю, как соблазнительно, нет, как сногшибающе выглядит госпожа Ведерникова со стороны. Убойная сила! Вот и будущий профессор наблюдает за ней с отвисшей нижней челюстью. Эх, Сашка, жениться тебе надо было бы вовремя! Не страдал бы сейчас от спермотоксикоза. Хотя нет, страдал бы! Маринка, она такая! Мумию возбудит! Поэтому ее в музеи египетских древностей не пускают ни за какие коврижки!

Ладно, подкатываю к доктору наук, поздравлять его – как-то банально и не в моем стиле. В моем личном стиле сказать что-то бодренькое, но гаденькое одновременно. Сашка меня знает как облупленного, он обижаться не будет, примет все как есть. Поэтому и ляпаю:

– Ну что, ученичок, обосрался?

И по тому, как вытягивается, стопорясь, физиономия Александра, понимаю, что что-то пошло не так. Поэтому обращаюсь уже к Марине:

– Девочка, побудь тут поблизости, у нас тут разговор не для ваших прелестных ушек.

И медсестра Ведерникова отходит, но не так, чтобы очень уж далеко, а так, чтобы контролировать мою тушку, разговор она подслушивать не собирается, уверен, что микрофон где-то в кресле-каталке, хорошо, если один.

Конюхов

«Кто настучал старику?» – это была первая мысль, которая возникла в моей голове, как только я услышал бодрую фразу академика. И только через несколько секунд до меня дошло, что это обычная академическая подколка, так характерная для этого экстравагантного чудака от исторической науки. По-видимому, по моей физиономии Михаил Николаевич обо всем догадался. Он просит медсестру, которая носит это стандартное морское имя⁸, отойти, чтобы дать нам пообщаться. Та отодвигается на несколько десятков метров, но так, чтобы не упускать подопечного из виду.

– Ну что, Саша, докладывай, что там у тебя пошло не так? Защитился?

– Защитился... – голос у меня грустный.

– И что так?

– Шесть черных, Михаил Николаевич.

– П...ц, – ставит точку матерным словом академик, ну да, старик матерного слова никогда не гнушался! Слышали бы вы наши некоторые дискуссии!

– Давай, рассказывай!

Я и стал рассказывать, уложился в две минуты. А чего там рассусоливать.

– А ты знал, что у этого хитрожопого рагуля жена психолог, тренер по НЛП⁹, не в курсе? Да, моя недоработочка, моя... А что Афанасьев?

Сергей Сергеевич Афанасьев – глава диссертационного совета, доктор наук, профессор, заведующий кафедрой. У него регалий, как блох на Барбоске. Был когда-то учеником Коняева, кандидатская, докторская. Михаил Николаевич возлагал на него большие надежды. Но как

⁸ Марина – морская (*лат.*).

⁹ Нейролингвистическое программирование – научное направление, которое позволяет влиять на принятие людьми решений в нужном для программирующего их психолога направлении. Форма психологического подавления личности под маркой его раскрепощения и раскрытия творческого потенциала.

только защитил докторскую, о своем учителе забыл. Даже не перезванивал. Вскорости стал заведующим кафедрой. Всё имеет свою цену.

– Он говорил со мной после защиты. Так и сказал, ВАК не пройду. Лучше даже не посылать. Во время защиты ни слова... говорят, что собирается подать на конкурс...

– В ректоры метит?

– В них самых... Они-с, говорят, в последнее время сильно покорешились с Незванько и его прихвостнями, рассчитывают друг на друга. Думаю, его шарик был среди чёрных.

– Да, горько как-то... и во рту пересохло. Воды бы мне...

И тут я заметил, как мой любимый учитель бледнеет буквально на глазах!

Ведерникова

Меня подвела нелюбовь к иностранным языкам. В результате – никаких перспектив, звание младшего лейтенанта ФСБ, прозябание на маленькой должности в неприметном регионе. А вытащила любовь к медицине. Я не поступила бы в медицинский – отец не простил бы мне такого предательства, да и я не стала бы обычным врачом, хотя о военно-медицинской академии задумывалась. В академии ФСБ мне медицина давалась без напряжения. Ещё говорили, что у меня лёгкая рука. А потом была та история, когда мне предложили попрактиковаться в качестве медсестры реанимационного отделения. Вот тут я и набила руку. За два месяца, пока клиент не появился в поле зрения. Извините, большего не расскажу. Вот только то, что потом очутилась в Мухозасранске, это еще очень хороший для меня лично расклад. А потом приехал приятель отца, Николай Степанович. И вот я здесь. Вроде бы работа не пыльная, вот, противного старикана по парку катать да уколы ему делать. Это если не знать, что тут происходит.

Во-первых, старик не такой уж и противный. Внешне он чем-то напоминает Вольтера с той самой скульптуры, где он в кресле. Тут и там – преклонного возраста мужчина в кресле. Сухонький, с бледной кожей и синюшными губками – типичный сердечник с недостаточностью. Но ничего, до такого возраста дотянул! Говорит, что благодаря спорту, тому, что ни дня им не занимался. Это он цитирует одного премьера¹⁰, вообще древний историк сыпет цитатами, шутками, подколками, острыми словечками; знаю, что таким образом в его возрасте сильные люди маскируют боль. Я не понимаю, на каких таких резервах он до сих пор тянет... Кстати, он и внешне похож на Вольтера, такой же крючковатый нос, умные глаза под густыми бровями, вот только шевелюра – клиент лыс, как яйцо, и лицо всё изрыто морщинами, почти как на картинах Глазунова, а ещё эти старческие пятна на руках... А вот говорить с ним интересно. Очень интересно. Недаром, что академик, начнет вещать – заслушаешься! Несмотря на возраст, никакого старческого дребезжания, речь четкая, спокойная, отчётливая, расставляет акценты и ударения точно, как гвозди заколачивает – за удар по гвоздю! А умение сравнивать, анализировать, давать точные характеристики. И никаких признаков склероза и маразма. Коуч сказал, что ему даже не надо было особенно расширять возможности запоминания, академик обладает отличными способностями к схватыванию и переработке новой информации. А ведь в молодости академик Конюхов был тем еще жеребчиком! Я – женщина, меня не проведешь. Это он сейчас представляется интеллигентом-импотентом, только я заметила пару раз, какими маслянистыми становились его глазки, так я не в претензии, у меня карма такая...

Отослал меня. Хочет с учеником поговорить тет-а-тет, ну пусть его, пусть. Ученик профессора мне не понравился с первого взгляда: какой-то угловатый, большоголовый, с копной непокорной шевелюры, встретила бы его на улице ночью – перепугалась бы. Вот на ученого он не похож, в темноте выглядел бы гопником, днём – типичный военный-отставник. Тяжелый лоб, маленькие глазки, спрятанные за пустышками очков, этот девайс у него скорее для имиджа – чуть смягчает неприятный взгляд, за легкой серой дымкой напыления. Хм... ему вроде

¹⁰ Эта фраза принадлежит Уинстону Черчиллю.

за шестьдесят, а вот тело держит в пределах нормы; несмотря на возраст, жирком не заплыл, вот только странный он какой-то, нет, не странный – одинокий! Почему я так решила? Так по одежке! Он же выглядит совершенно безвкусно, такое впечатление, что его обмундировала девочка-продавец на сэконд-хенде. Вроде недешево, но подбор – это точно говорит об отсутствии твердой женской руки. Возьмём академика – человек в кресле, одежда старомодная, но подобрана идеально. Чувствуется, что когда-то супруга со вкусом это собрала, а он всё сумел сберечь и сохранить. И если Коняев – педант, то его ученик, кажется, Конюхов – раздолбай! Нет, не так... военный раздолбай! Это значит, что он то, что по работе положено, будет делать дисциплинированно, педантично, точно, а всё остальное – без фанатизма. О чем это они спорят? Вот, ученик моего подопечного что-то очень эмоционально говорит, начинает как-то по привычке круговым движением массировать переносицу, весьма характерный жест, с такой привычкой разведчики проваливаются на раз-два.

И тут я стала замечать, что вечер перестает быть томным. Что-то академик сильно побледнел. А вот и Женя Сипягин (он сам умолял именно так его называть, козел женатый), наш штатный психолог и куратор Коняева. Бл... Где он так долго телился? Ага, я-то вижу, что счет пошёл на секунды, подскакиваю к опадающему на глазах старику, а пульс-то у него ёк! На шее? Еле-еле... Всё... нет! И бледнеет-синеет на глазах, Ё... Хорошо, что взяла с собой! Вот четвертое-пятое межреберье. Четвёртое. Как учили! Один кубик! Адреналин в сердце! Смотрю, как от этой процедуры вояка, ученик академика валится в отруб! Ну и х... с ним, мне надо старика дотащить до реанимации! Игла задергалась! Запустила моторчик! Дышит плохо, но делать искусственное не буду – тут баллончик со смесью... Маску на лицо. Рывкнула на оторопевшего психолога:

– Женя, б... Сигналь в реанимацию, пусть всё готовят! Остановка сердца! Быстрее!!!

И еще два слова на русском матерном добавила, чтобы врубил соображалку, наконец! Не стала ждать, пока этот лох полутораметровый очухается, пока в кнопочки пальцем-сосиской тыкать начнёт, несусь к калитке. Хорошо, что не все там тормоза, скорее всего, охрана сообразила, что экстренная ситуация, мы влетаем на Объект и несемся в лифтовую... Только бы успеть!

Полковников

Что я ненавижу больше всего? Неожиданности! А сегодня, чувствую, всё поперло, как из мешка! Какого этот поц застрял? Что он там делает? Почему не мчится прыжками на стоянку? Опять с девочками у лифта расшаркивается, петух гамбургский!¹¹ А, вот, идёт! Важный такой, никуда не спешит, а что, ему, цельному психологу, спешить не с руки. Таки поц, как говорят в Одессе, в городе, где я родился и откуда меня призывали. Нет, чашу моего личного терпения он сегодня испил до дна. Овчина занёс кофе по-научному: заваренный в стеклянной пробирке над спиртовкой. Кто бы что ни говорил, а вкуснее напитка не найти! Овчина – старший лейтенант Виталий Аркадьевич Овчинников, он на должности секретарской, секретчик, вообще-то. Но если его вежливо попросить, может шефа и побаловать. Взял чашку и снова подошёл к окну, что-то щемит меня в последнее время. Кофей такой, как я люблю – в меру горчинка, в меру кислинка. Не слишком крепкий, но и не моча буриданова осла¹². А тут смотрю – калитка открывается. Они там что, так быстро закончили беседу? Вот тут меня и посетило предчувствие чего-то нехорошего. Так и есть! Несется Мариночка, в кресле безвольная тушка академика с кислородной маской на лице, вот это да, никогда я еще так не желал, чтобы девочка наша бежала как можно быстрее! Ясно – они в реанимацию, а если... Нажимаю кнопку на селекторе.

¹¹ Это не намек на ориентацию, это цитата!

¹² *Буриданов осел* – парадокс философа Буридана, то есть виртуальный осел, а его моча – это вообще ноль, пустышка. Тут – имеется в виду кофе в виде горячей воды без кофе.

– Группа переноса! Готовность! Пять минут! Пять я сказал! И ни секундой больше!

Бросаю всё, несусь в операционный блок. Он с реанимационным совмещен. А тут... Где Шахрай? Где Крашенинников? Где тут все? В блоке один только Лёня Головоножка. Парень-то он толковый, но какой-то сумбурный, нет, точнее, непрushный! Вот! Лёнчик носится между мониторами и рабочими местами, щёлкает тумблерами. Он что, один хочет все три места закрыть? Тоже мне Александр Матросов! Грудью на три амбразуры! Занимаю место выпускающего. Ну, тут я с тремя кнопками управлюсь.

– Николай Степанович, Миша уехал новую аппаратуру принимать. Там без него никак – приказ Главного. А Валик убежал в медпункт, он съел утром что-то несвежее, с двух нулей не вылезает.

Нет слов, одни междометия! Михаил Шахрай у нас на двух должностях: старший операционной смены, да еще и консультант по железу. И вот он, смещение со совмещением! Аукнулось! Валентин Крашенинников – оператор системы запуска. Весит сто сорок. Жрёт всё, что похоже на еду. Но в своём деле виртуоз. Травится третий раз за год. Отстранить и в клинику, подлечиться? Давно пора, руки не доходят, да и заменить пока некем. Вот и получается, что у меня тут только оператор системы контроля и слежения ветвей мирового дерева, Лёнчик Головоножка. Они у нас, конечно, универсалы, но как он справится с двумя функциями? Я тут подстрахую... Лучше бы я этого не делал! Получилось всё как-то глупо и спонтанно. Старика втаскивают в реанимационную, что-то вводят, ставят капельницу, и наши эскулапы вовсю над ним колдуют, но недолго. Алексей Натанович мне показывает два пальца, значит, не более двух минут у меня в распоряжении. Я нажимаю на кнопку активации системы переброса, не обращая внимания на бурчание Головоножки, что аппаратура, мол, не вышла на рабочий режим! Нетути времени! Такого кадра теряем! Включаю сирену. Реаниматоры втаскивают тело академика на мишень переноса и убегают прыжками. Это они делают правильно. Герметизация! 32 секунды нах! Губы пересохли... Смотрю, что Лёнчик бледнеет на глазах. Еще двадцать секунд. Я давлю на кнопку запуска... Краем глаза вижу, как выкатываются глазки из орбит у Головоногого, бля, что это такое происходит? Падение энергии? Включается аварийный блок – дает подкачку...

– Стоп! – орёт Лёня. – Стоп! Пробой! Пробой наблюдаю, б... Гасить!

Только я уже кнопку старта вжал до упора и отжать палец назад не могу – руку судорогой свело. Чувствую, как волосы на голове становятся дыбом, даже те, которых там давным-давно нет! В воздухе и по аппаратуре начинают бегать такие маленькие фиолетовые сполохи. Что это за?... А?

– Гасить! – с этим криком Леонид кидается к рубильнику аварийного отключения, вот она, бамбула с ручкой, но в этот момент фиолетовый всполох пробивается к аппаратуре, которая мгновенно вспухает, радуясь неожиданному притоку энергии, и раздается мощный взрыв. Меня отбрасывает к стенке... Приходит спасительная темнота.

Конохов

Чувствительная у меня натура. Много видел, через многое прошёл, но когда эта оторва вколола учителю прямо в сердце... Отключился! Вот и вишу я над парковкой непонятно где и наблюдаю с высоты птичьего полета за этой непонятной суетой. И что характерно, все занимают Коняевым, до моего судорожного состояния никому никакого дела нет. Вот этот, коротконогий, что-то пробурчал в мобильник и умчался за бронекалиточку, а мне тут куковать, пока ко мне не подойдут или пока сам по себе не оклемаюсь (случалось и такое). Но никто не спешит. Видно, что тут живут добрые и отзывчивые люди.

А вот в округе начинает твориться что-то непонятное. Небо из свинцового превратилось в мрачно-траурное, и черная беспроглядная тяжесть наваливается на землю, прижимая всё живое к почве. Блин, я же тут, а тушка моя – там? Что же будет? Что? И тут замечаю, что в

километре примерно от поверхности земли, почти на том уровне, где я парю, образовывается какой-то яркий фиолетовый конус. Такой яркий, что слепил бы мне глаза, но я-то смотрю не глазами, а непонятно чем! Конус чуть расширился, а его узкая часть выстроилась так, что острым концом стала указывать на это странное здание. Я даже заметил жгуты, сначала тонкие, а потом всё толще и толще. Понимаю, что так должна выглядеть энергия в чистом её виде, а щупалец стало больше, и они начали утолщаться, пока совершенно неожиданно не рвануло! И понесло меня прямо в фокус этого конуса... А что же я тут? Да черт с ним, со мною, всё равно уже несёт, не выбраться!

Из докладной записки врио начальника аналитического отдела М. Н. Надеждина

«Технический отказ, приведший в результате к аварии, вызван совпадением двух крайне маловероятных событий: а именно сбоем неподготовленного к переносу комплекса аппаратуры и внешним пробоем энергии, который предсказать было невозможно. Аппаратура переноса уничтожена. Система слежения восстановлению не подлежит. На месте происшествия обнаружено обугленное тело оператора Л. Головоножка. Констатируется смерть агента Академик. На автомобильной стоянке у объекта обнаружено тело кандидата исторических наук Александра Конюхова без следов насильственной смерти. На сегодня программу переноса рекомендуется приостановить до получения и обработки данных по технической аварии и возможностях ее предупреждения. Рекомендуется в экстренном порядке создать более совершенную систему слежения за темпоральными ветвями. До этого момента оценить результат запуска не представляется возможным».

Часть вторая. Общежитие Европа

Хорошо стало жить в Европе, вот только ее сильно испортил русский вопрос.

Александр Михайлович Романов, более известный как Сандро

Глава четвертая. Русский вопрос

Одна из целей моей поездки в Москву заключалась в том, чтобы убедить российский народ не поддерживать свое правительство.

Лиз Трасс, министр иностранных дел Великобритании, 15 февраля 2022 года

Уоберн-Эбби, Великобритания. 14 апреля 1858 года

Палмерстон

Наступил 1858 год. Уже в январе он ознаменовался раскатом взрыва. И это не были залпы салюта или фейерверка. Брошенная в карету императора Наполеона III итальянским террористом Феличе Орсини бомба убила и ранила более полутора сотен людей из числа охраны и тех простых зевак, которым не повезло оказаться в ненужном месте и в ненужное время. Племянник Великого корсиканца не пострадал, но это событие стало тем упавшим в реку камнем, от которого пошли круги, вовлекая в них судьбы людей и целых стран. Затронуло это и Британию, где среди аристократов и буржуа началась настоящая паника, приведшая в результате к смене главы правительства. Премьер-министр Генри Джон Темпл, 3-й виконт Палмерстон подал в отставку после отклонения законопроекта о борьбе с террористами, к числу которых могли отнести и значительную часть эмигрантов, скрывающихся на берегах Туманного Альбиона. И вот теперь сэр Генри был приглашен в поместье Уоберн-Эбби, наследственное владение графов Бедфордов, которое в данный момент принадлежало лорду Джону Расселу. Поводом послужили празднества по случаю десятилетия его младшего сына, но настоящая причина имела куда более серьезные основания. Среди гостей можно было сразу заметить примерно полторы дюжины молодых мужчин возрастом не старше тридцати лет. Объединяли этих джентльменов не только юные годы, но и то, что они были младшими сыновьями весьма знатных родов, не наследовали ни титула, ни привилегий отца и занимали пока лишь третьеразрядные должности в Форин-офис, Министерствах по делам колоний и Индии и, естественно, в Адмиралтействе. А также чистокровными англосаксами без малейшей примеси туземной крови, что иногда случалось с теми, кто слишком долго жил на Востоке и невольно поддавался некоторым соблазнам, кои несли восточные женщины, выгодно отличающиеся от чопорных британок.

Именно им предстояло словом и делом расширять границы владений Британии, дабы никто не мог дерзнуть оспорить постулат о том, что над ними никогда не заходит солнце, ибо прежде чем его вечерние лучи покинут шпиль Квебека, его утренние лучи три часа светят на Порт-Джексон. Сейчас же этим истинным английским аристократам надлежало показать свои умения управлять конём в парфорсной охоте, столь популярной не только на островах, но и в целом в Европе.

Уже ближе к вечеру, когда стемнело и официальные празднества подходили к концу, хозяин поместья пригласил их спуститься в подземный зал, на стенах которого висели геральдические щиты, а тьму рассеивали лишь факелы, горящие в кованых держателях, достаточно

часто закреплённых на стенах. Перед гостями на небольшом возвышении стояли два старца, которые в разное время занимали высший пост в Британии и были вторыми после королевы: лорд Джон Рассел и Генри Темпл, виконт Палмерстон.

– Джентльмены, – нарушил наступившую тишину виконт Генри, – я и наш досточтимый хозяин лорд Джон собрали вас здесь, дабы призвать стать первыми паладинами нашей королевы Виктории и защитить Британию от самого страшного противника – варварской России. Сейчас вы очень молоды и лишь в начале своей карьеры. Но пройдёт совсем немного лет, и вы смените нас на полях этой битвы, где врагом является каждый русский, от простого казака и до императора московитов. И если он посмеет усомниться в священном праве Британии править миром, то на него следует объявить охоту и затравить как дикого зверя.

Слово взял и сэр Джон:

– Молодые люди, мы уже нашли надёжное средство противодействия России и ее притязаниям на мировую гегемонию. Русская война показывает, что против коалиции европейских государств московскому варвару не устоять. Мир меняется, джентльмены...

– Мир стремительно меняется. Многие страны переходят к всеобщему призыву, а от этого один шаг до массовых армий. Мы должны смотреть вперед. За нас с московитами должны воевать другие: немцы, французы, турки, австрийцы. А мы будем продавать оружие – всем. И обогащаться на этой войне! Наш старый принцип господства в Европе – разделяй и властвуй! Но как только Россия станет подниматься, надо быть готовым создать антироссийский европейский концерн и дружно давить противника. Как говорится, маленький огонь легко затоптать¹³.

– Простите мою наглость, сэр Генри, но не проще ли попытаться подорвать Россию изнутри, говорят, что московиты продажны и очень любят золото... – раздался голос молодого щуплого джентльмена, одетого насколько богато, настолько и безвкусно.

– Представьтесь, молодой человек. – Генри Палмерстон насупил брови, казалось, что он недоволен тем, что его речь прервали.

– Роберт Артур Талбот Гаскойн-Сесил, второй сын второго маркиза Солсбери¹⁴.

– Вы далеко пойдете, молодой человек, – несколько меланхолично произнёс виконт и, обратившись к сэру Джону, добавил: – Присмотритесь к нему, Джон. Может пригодиться.

– Джентльмены! Каждый соверен, потраченный на подкуп московских бояр, позволит нам получить прибыль пятикратную от продвижения наших интересов. И помните, контролировать противника – это очень выгодное дело, тут денег жалеть не надо, – лорд Джон Рассел дал ответ Роберту, после чего слово опять взял виконт Генри Палмерстон.

– Я попрошу вас, молодые люди, сейчас подумать над проблемой сдерживания России. Пусть каждый из вас напишет небольшое эссе, тема: геополитическая оценка Российской империи. А сейчас, именно сейчас, напишите всего три предложения: наша главная задача на перспективу; наша первоочередная задача сегодняшнего дня; одно предложение по борьбе с нашим противником. Бумага, перья и чернила – на столике. Выбирайте себе место в соседнем зале, работайте. Думаю, четверть часа вам будет достаточно. Эссе я жду от вас примерно через час.

Вечером того же дня, когда высшее общество весело отмечало успешную охоту, превращая постепенно светский раут в обычную пьянку аристократов, два пожилых джентльмена, которым эти увеселения были совершенно неинтересны, разбирали бумаги в рабочем кабинете хозяина замка.

¹³ A little fire is quickly trodden out (*англ.*) – нечто аналогичное русской фразе про паровозы, которые надо давить, пока они чайники.

¹⁴ 3-й маркиз Солсбери, трижды становился премьер-министром Британии, четыре раза – министром иностранных дел.

– Джон, я был прав, посмотрите, это молодой джентльмен действительно обладает острым умом и очень оригинальными идеями. Надо устроить его политическую карьеру, после того как проверим на верность.

– И что так вас восхитило, сэр Генри?

– Его ответы. Первый вопрос: «Разделить Россию на десять-двадцать небольших государств, зависимых от Британии». Второй: «Продвинуть на трон лояльного Британии русского императора». Третий: «Использовать революционеров и террористов для продвижения идей, способных разрушить государство москвитов».

– Террористы как агенты влияния? Интэрэсная мысль. Рэволюционэры, да, это да, а вот террор...

– Джон, перестаньте, вы всё поняли. Не коверкайте, не играйте словами.

– Хорошо, Генри. Думаю, надо будет, чтобы мой помощник поговорил с этим Гаскойн-Сессилом подробнее. В Лондоне.

– Отличная мысль. Если у него, кроме идей, будут еще и организаторские таланты...

– Поживём – увидим, сэр Генри, вот только я... здоровье...¹⁵ да, в любом случае сегодня был весьма результативный день. И для нас, и для империи.

Лондон. 16 апреля 1858 года

«Кто вам сказал, что апрель в Лондоне – прекрасное время года? Не верьте этому мерзавцу и негодяю!» – именно эта мысль терзала Генри Темпла, виконта Палмерстона, когда он выбрался из кареты и направился к дверям клуба. Погода сегодня была необычайно отвратительной: с Северного моря пришел холодный воздух, ветер пронизывал насквозь, дождь то пускался, то стихал, то становился сильнее, подобно морскому шквалу пронизывая насквозь этого невысокого, но еще крепкого мужчину. В последнее время виконта сильно беспокоила подагра. Врач, несомненный шарлатан, прописал бывшему премьеру овощную диету и воздержание от вина и мяса. Негодяй! Тем более что это его питание не приносило никакого облегчения – крутило суставы, ходить было сложно, и если бы не трость, на которую приходилось опираться, то... Он оступился! Ах, он опять оступился! Верный слуга подхватил патрона под локоть. Жаль, что менее чем год назад подхватить его было некому. Всего три года назад он помог «урониться» правительству Абердина, слишком самонадеянного и невоспитанного человека, которого сам Генри Джон даже джентльменом не считал¹⁶. Несмотря на нападки в парламенте, правительство Палмерстона пользовалось огромной популярностью, особенно после успешной Восточной войны¹⁷. Все знали, что Крымская кампания состоялась именно благодаря деятельности его и его коллег по парламенту. Эта война вознесла его на вершину власти. И как не вовремя Орсини попытался убрать Наполеона III! Из-за этого инициативного дурака Генри и пытался протащить через парламент билль о заговорах. Самоуверенность! Это его так неожиданно подвело. Темпл был уверен, что парламент поддержит его после триумфа пятьдесят седьмого года!¹⁸ Ан нет! Ах! Гримаса боли опять исказила лицо бывшего премьера. Вообще-то виконт Палмерстон всегда отличался отменным здоровьем и был большим охотником до женских ласк. И эта неожиданная атака болезни только усиливала его плохое настроение.

У подъезда клубного дома бывшего премьера встречали расторопные слуги, которые помогли ему раздеться и пройти в комнату, где его ждал важный человек – Джеймс Эндрю Дал-

¹⁵ Лорд Джон Рассел приbedняется, он протянул еще двадцать лет от этого разговора и умер в 1878 году, прожив почти 86 лет.

¹⁶ К Джорджу Гамильтон-Гордону, 4-му графу Абердину, Палмерстон весьма придирчив, его плохое отношение к человеку, которого вся страна считала образцом джентльмена, было вызвано слишком вялым ведением кабинета Гамильтона войны с Россией.

¹⁷ В британской истории принято Крымскую войну считать эпизодом Русской войны, которую еще называют Восточной.

¹⁸ В ответ на критику оппозиции Палмерстон распустил парламент и убедительно победил на выборах 1857 года.

хаузи. Встреча была конфиденциальной, но где лучше всего прятать секреты? На виду у всех. Переговорить с нужным человеком? В клубе есть для этого приватные комнаты, где никто не будет мешать. Тем более в таком замечательном месте, как Клуб Оксфордского и Кембриджского университетов, расположенный на улице Пэлл-Мэлл. Далхаузи был одним из руководителей Ост-Индской компании, которая уже не одну сотню лет беззастенчиво грабила страну, так и не сумевшую оказать достойного сопротивления британцам. Сейчас времена изменились, но не настолько, чтобы сэр Джеймс чувствовал себя в столице неуютно. Невысокий, круглолицый, со щегольски закрученными кверху усами, с по-модному прилизанной прической лондонского денди, он наблюдал в окно, как дождь вырисовывает узоры на окне клуба, затем повернулся к сэру Генри и как-то излишне рассеянно произнёс:

– Вы знаете, как мне в нашем прекрасном Лондоне не хватает того тепла, которым буквально пронизана Индия! Наверное, я стал за эти годы слишком теплолюбив и намного легче переношу жару, чем этот промозглый и нездоровый климат Сити.

Палмерстон не удивился столь прохладной встрече. Во-первых, инициатором этого рандеву был все-таки он, а во-вторых, Далхаузи никак не мог простить бывшему премьер-министру его позиции по ограничению роли Ост-Индской компании в делах колонии. Неприкрытый грабеж не мог не вызвать волнений, из-за чего и вспыхнуло самое масштабное восстание, заставившее серьезно поволноваться политический олимп империи.

– Маркиз, вы первый человек, который говорит о прекрасном климате Индии. Намного чаще я слышал о несносном и болезнетворном влиянии этой страны на наши привыкшие к холоду организмы. Сэр, я попросил об этой встрече неслучайно. Мне нужна ваша помощь и содействие.

– Чем я могу помочь вам, сэр Генри? Когда я был губернатором Индии, вы вставляли мне палки в колеса, критиковали Ост-Индскую компанию, стремились к тому, чтобы установить контроль государства над провинцией, оттеснив нас на второй план. Что же за помощь потребовалась вам от меня?

Младший сын графа Джорджа Рамсея, командующего индийской армией, шотландский дворянчик, выскочка, не обделенный талантами, Далхаузи добился своего высокого положения благодаря не только своим качествам, но и стечению обстоятельств: оба его старшие брата рано умерли, а сам Джеймс Эндрю быстро поднялся по крутым ступеням лестницы власти и стал губернатором Индии, заняв очень даже высокий пост. Присоединив к владениям короны Пенджаб, он стал маркизом Далхаузи. Были в его карьере и оглушительные успехи, и потрясающие неудачи. Войны и постоянные восстания сопровождали правление компании в колонии; да, в парламенте были недовольны положением дел, тем более что последнее восстание сипаев, вызванное именно авантюрами и вопиющими действиями самого маркиза, еще не было подавлено. Успехи британских войск налицо, но сипаи были упорным противником. Ситуация еще окончательно не разрешилась в пользу империи. Больше всего Палмерстону не нравилось, что этот шотландский парвеню провел объединение, централизацию всей Индии. Вроде бы управлять одной страной проще (в административном ключе), но политика «разделяй и властвуй» всегда была опорой британского влияния в мире. И всё-таки надо было идти на компромисс.

– Вы зря обвиняете меня в том, что я не пекусь об интересах Ост-Индской компании, хочу вам напомнить, что ради того, чтобы обеспечить рынок сбыта вашего индийского опиума, наше правительство поддержало войну с Китаем, которую уже сейчас журналисты окрестили опиумной. И я был среди тех, кто помог провести через парламент необходимые законы и выделение денежных средств на эту военную кампанию, исход которой пока еще неясен.

Маркиз вежливо склонил голову, действительно, роль Палмерстона в развязывании военного конфликта с Китаем была ему известна, как и та сумма, которая перекачивалась в карманы премьера, а что тут такого? Британские купцы умеют быть благодарными.

– Так чем я могу быть вам полезен, сэр Генри?

Тон маркиза был приятным, ну что же, выскочка и зазнайка, теперь пора и к делу, раз указали тебе твое место! И бывший премьер-министр продолжил:

– Россия! И не говорите мне, что это моя личная идея-фикс. После Восточной войны она снова усиливается! Мы с тревогой смотрим на успехи ее в Хиве и Бухаре. А наша неудача в Афганистане...

Маркиз оценил дипломатичность своего визави: афганский провал был его прямой заслугой, но тут Генри Темпл проявил такт, разделив этот провал с правительством, следовательно, и с самим собой.

– Нас беспокоит, что империя северных варваров сделала политический разворот на Восток. Может повториться ситуация времен Наполеона Буонапарта, когда угроза вторжения в Индию станет снова реальностью! Вы знаете, что мы всегда стремились кардинально устранить любую опасность нашему влиянию в лучшей и самой прибыльной из колоний. Ситуация такова, что нам нужна долгосрочная программа по уничтожению и разделу Российской империи. Перед этой задачей локальные успехи Крымской войны просто меркнут! И нам нужны средства, которые не будут отражаться в отчетах парламента.

Маркиз задумался. Он не сомневался в том, что лорд Палмерстон остается одной из самых влиятельных фигур в лондонском политикуме, более того, ходили слухи о близкой реставрации правительства сэра Генри. Главное же было в том, что безопасность британских владений в Индии была тем вопросом, ради которого можно и нужно тряхнуть мошной.

– Я уверен, что руководство компании разделит вашу озабоченность, сэр Генри. Нам понадобится время для того, чтобы уточнить детали. Скажите, какая сумма нужна вам непосредственно сейчас и примерные расходы на ближайшие три года?

Увидев две цифры со многими нулями, маркиз скривился, но взял себя в руки. Они расстались не столько друзьями, сколько соратниками: необходимое понимание между ними все-таки установилось. Забравшись в карету, Генри натолкнулся на тяжелый взгляд человека, которого ожидал у себя дома завтра поутру.

– Господин Найки, я не ожидал...

– Привыкайте. Это соответствует той роли, что вы хотите на меня возложить. Что наши денежные мешки?

– Они согласятся. Поморщат носы, но согласятся!

– А что ваш молодёжный проект, сэр Генри?

– О! Совсем неплохо! У нас перспективная молодёжь подрастает, скажу я вам. Отобрал для нашего дела пятерых... и еще одного!

– О! Вы говорите так, как будто нашли в навозе жемчужину!

– Да, это весьма перспективный молодой человек. Думаю, мы поможем ему с политической карьерой.

– А остальные пятеро?

– Господин Найки, вы можете выбрать любого из них. Я передам вам утром письменные работы кандидатов.

– Прекрасно, сэр Генри, побеседую, отберу того, кого мы пошлем в Россию. Нам нужна своя агентура, которая не будет зависеть от Форин-офис. Пусть и попробует, после обучения у меня лично... И еще, вы как-то сегодня слишком плохо выглядите, сэр, что с вами?

– О! Это проклятая лондонская погода и моя подагра! Этот врач-шарлатан прописал мне капусту и морковь, а разве я похож на кролика? Но он знает такое количество неприличных анекдотов, что я никак не могу с ним расстаться!

– Возьмите, сэр Генри, это визитка одного сельского врача. Поезжайте к нему – и вы забудете про вашу подагру! Обещаю вам. А насчет вашего доктора... присылайте его ко мне, я ему запас похабных историй значительно пополню!

И человек, имя которого, естественно, не было никоим образом не Найки, быстро покинул карету. А в руках сэра Палмерстона¹⁹ остался незамысловатый прямоугольник картона с адресом малоизвестного доктора.

¹⁹ Вообще-то лорд Палмерстон отличался отменным здоровьем, мало болел и почти до конца своих дней волочился за юбками.

Глава пятая. Необъявленная война

*Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная,
Матушка Русь!*

Н. А. Некрасов

*Санкт-Петербург. Зимний дворец.
26 июля 1878 года*

ЕИВ Александр Николаевич

Император и самодержец Всероссийский Александр Второй сидел у себя в кабинете и, наверное, в сотый раз перелистывал страницы документа, содержание которого он хранил в тайне не только от своего сына и наследника престола, но и даже от «милой Дуси», а иначе говоря – княгини Долгоруковой. Такая предусмотрительность была вызвана страхом, который терзал сердце государя Александра Николаевича, ибо прочитавший эти страницы неизбежно подписывал себе смертный приговор. Это не было преувеличением. Сей документ, который отличался от ежегодного отчёта Третьего отделения Собственной Его Императорского величества канцелярии так же, как диссертация доктора наук от сочинения гимназиста, стоил человеку, принесшему его императору, жизни. Речь шла о бывшем начальнике вышеуказанной канцелярии и одновременно шефе жандармов, генерал-адъютанте Мезенцове. Государь прекрасно помнил тот день второго июля, когда Николай Владимирович прибыл к нему в Зимний дворец к десяти часам, на утренний доклад. Александр Николаевич сразу отметил, что на лице обычно невозмутимого генерала можно прочитать выражение мрачной решимости и даже изволил пошутить:

– Николай Владимирович, вижу, что вы чем-то расстроены? Я не удивлюсь, если услышу от вас: слово и дело государево или не вели казнить, вели слово молвить.

– Вы не ошиблись, ваше императорское величество, – но, увидев знакомый взмах рукой, обозначающий «без чинов», генерал поправился: – Государь, я прошу выслушать мой доклад, ибо это касается угрозы, которая нависла не только над государством Российским, но и над вами и вашей семьей.

– Вы меня заинтриговали, генерал, – задумчиво протянул император. Александр Николаевич специально выбрал это слово, ибо самодержец Всероссийский не может быть испуган. Пережив два покушения, государь осознал, что боится не собственной смерти, а того, что убийство может стать прологом уничтожения государства Российского!

– Зная вас, я уверен, что вопрос очень серьёзный, а посему присаживайтесь и докладывайте. Во времени я вас не ограничиваю. – Одновременно император позвонил в колокольчик и приказал вошедшему дежурному флигель-адъютанту:

– Я занят, сегодня приёма больше не будет!

Пока генерал Мезенцов, разместившись в кресле, извлекал из кожаного портфеля, который до этого он не выпускал из рук, внушительную папку с документами, раскладывая их на небольшом столике, Александр Николаевич достал из коробки сигару, не без внутреннего предчувствия удовольствия, при помощи новомодного настольного прибора гильотинировал оную, воспользовавшись ещё одним недавним изобретением фирмы Cartier, настольной зажималкой из серебра и золота, прикурил её и с наслаждением затянулся.

– Итак, государь, я вынужден признать, что против России ведётся война, кою вполне можно именовать столетней. Не сочтите сие преувеличением, я скорее несколько преуменьшил её век. И независимо, от того под чьим флагом маршируют колонны противника, их направляет единая воля, воля Британской империи. С вашего позволения, государь, я пока не буду касаться дел давно минувших дней, связанных с причинами, кои могли повлиять на смерть государыни Екатерины Великой и её сына Павла Петровича... – и Мезенцов положил на стол перед императором большую тетрадь с надписью на обложке «Век XVIII, начало века XIX». К удивлению Александра Николаевича, который её открыл и быстро пролистал, пробегая взглядом по её листам, заполненным каллиграфическим почерком с обилием цифр, дат, таблиц и ссылок на документы, все страницы были пронумерованы и прошиты толстой вощёной нитью, концы которой соединяла сургучная печать. Но он пока не задавал вопросов, ибо генерал достал значительно более толстую тетрадь, оставил её подле себя, а на столике поближе к императору разложил карту Российской империи с нанесенными отметками. Мезенцов начал перечислять даты и факты, демонстрируя место происхождения на карте.

– Лето 1834 года – высадка секретаря английского посольства Уркорта в районе Сухума. Цель – организация бунта горцев на Кавказе.

1835 год – офицер британской армии майор Сэрл прибывает на Кавказ. Цель – организация кавалерийских отрядов.

Июнь 1836 года – Д. Стюарт подстрекает черкесов к мятежу.

14 ноября 1836 года – русский военный бриг «Аякс» под командой капитан-лейтенанта Н. П. Вульфа задержал бриг «Виксен» в бухте Суджук-кале. Груз: пушки, ружья, порох для мятежников.

1840 год – британские агенты уничтожили результаты Ункяр-Искелесийского договора, окончательно сделав из Турции врага Российской империи.

27 февраля 1857 год – на русский берег Черного моря высадился польский десант из 80 добровольцев. Цель – руководство набегами адагских шаек на русские гарнизоны.

1877 год – подготовка Чигиринского заговора. Цель: организация мятежа и террористических действий во время Русско-турецкой войны.

Далее назывались даты и факты событий, которые происходили в Средней Азии, Великом княжестве Финляндском, беспорядки в Царстве Польском и прочая, прочая, прочая...

Генерал цитировал британских политиков – от ярого русофоба Генри Джона Темпла Палмерстона: «Как тяжело жить, когда с Россией никто не воюет», до бывшего посла Британии в России лорда Нэпира: «Англичане вообще противники России. Англичане должны привыкнуть слышать хорошие отзывы о России постепенно. Англичане очень упорны в своей злобе. Это свойство нашей нации, и его надо признать и с ним сообразоваться. Лучший комплимент, который я могу сделать русским, это сказать им правду». Не забыл Мезенцов упомянуть английского поэта Альфреда Теннисона: «Я ненавижу Россию с самого своего рождения и буду ненавидеть, пока не умру».

Примерно через час император предложил генералу немного отдохнуть, и в кабинет занесли чай с несколькими вазочками входящего в моду лакомства: сахарного варенья из ягод садовой земляники и крыжовника. Мезенцов отметил про себя, что Александр Николаевич прислушался к его словам, ибо перед тем как лакеи с подносами занесли всё, что приличествует для поглощения ароматного, обжигающе горячего напитка, государь сложил карту и спрятал её в стол. Во время короткого перерыва Николай Владимирович, желая немного развеселить императора, рассказал ему о том, что, несмотря на то, что уже прошло более полувека после смерти Наполеона Бонапарта, до сего дня в Англии существует весьма ответственная и недурно оплачиваемая должность, на которой сменилось несколько поколений служащих. Задача сих хранителей Британии заключалась в постоянном наблюдении за Английским кана-

лом и в подаче сигнала в виде пушечного выстрела в случае, если корабли Великого корсиканца появятся возле берега Туманного Альбиона.

Через полчаса император достал карту, вновь расстелил её на столе и вместе с генералом склонился над ней.

– Да, обложили, как медведя в берлоге, – оценил сложившуюся обстановку император и совершенно неожиданно для Мезенцова продекламировал несколько пушкинских строк:

Тут соседи беспокоить
Стали старого царя,
Страшный вред ему творя.
Чтоб концы своих владений
Охранять от нападений,
Должен был он содержать
Многочисленную рать.
Воеводы не дремали,
Но никак не успевали...²⁰

– Вот и мы не успеваем, Николай Владимирович, меня это чувство уже неоднократно посещало, но вот так точно разложить всё по полочкам...

Государь задумался, дымя очередной сигарой, Мезенцов же молчал, понимая, что в такие секунды погрузившегося в весьма тревожные размышления царя отвлекать не следует.

– И что нам теперь ожидать, генерал? – спросил император, не отрывая взгляда от карты и опираясь обеими руками, сжатыми в кулаки, о крышку стола. – Нового нашествия двенадцати языков?

– Нет, государь, – решительно возразил генерал, – та война, к которой небезуспешно готовит нашу армию, избавленную от палочной дисциплины и необоснованных наказаний офицерами солдатской массы, военный министр Милютин, когда десятки тысяч солдат уничтожают друг друга из скорострельных ружей, картечных и орудий, нам пока не грозит. Британцы не любят и не умеют воевать на суше и предпочитают, чтобы это делали за них другие. Но зато они в совершенстве владеют искусством шпионажа и великолепно умеют устраивать заговоры. Вспомните, государь, слова Фридриха Великого: «Один шпион может при благоприятных условиях стоит целого полка гренадер». А когда таких лазутчиков тысячи? И большинство из них не подданные британской короны. Часть из них просто иуды и отрабатывают свои тридцать серебрянников, но другие искренне верят, что на берегах Туманного Альбиона они находят приют и защиту от деспотизма своих правителей и варварства своих соплеменников. Британцы внимательно наблюдали за всеми действиями Бонапарта, которые он совершил, вторгшись в Россию, и я уверен, что они прекрасно помнят ответ князя Волконского на вопрос вашего венценосного дяди о духе армии и народа: «От главнокомандующего до всякого солдата, все готовы положить жизнь к защите Отечества и вашего императорского величества! Вы должны гордиться своим народом. Каждый крестьянин – герой, преданный Отечеству и вам!» – «А что же дворянство?» – продолжал вопрошать император. На что князь с горечью ответил: «Государь, я стыжусь, что принадлежу к нему, было много слов, а на деле – ничего!»

– Теперь же британцы, не забывая о дворянстве, в первую очередь сосредоточились на народе российском и его армии. Необъятные просторы нашего отечества, погубившие и Карла, и Наполеона, в борьбе с врагами внутренними, умело направляемыми из-за границы, теперь уже играют против нас. Смутьяны, совершая преступления на территории Царства Польского, находят укрытие в Великом княжестве Финляндском или перебираются в столицу или в перво-

²⁰ Пушкин А. С. «Сказка о золотом петушке».

престольную, продолжая свои черные дела. Самодурство или неисполнительность чиновника в провинции теперь напрямую вменяется в вину правительства или даже самого помазанника Божьего. И эта болезнь теперь распространяется всё шире. Если говорить об армии: отмена рекрутских наборов и сокращение срока военной службы была неизбежна. Русская армия стала сильнее, о чём говорит победа в последней кампании с Турцией. Но, утратив кастовость, солдатская среда оказалась более восприимчива ко всем процессам в обществе, чем непременно воспользуются всевозможные смутьяны, особенно если будут их направлять опытные агенты иностранных держав.

– Каково, по-вашему, развитие событий, генерал? – спросил император, которому уже несколько надоело описание симптомов болезни и хотелось бы услышать окончательный диагноз.

– Я не хочу прослыть Кассандрой, государь, – ответил Мезенцов, но боюсь, что в Британии нам уже вынесен смертный приговор. Их конечная цель: расчленение Российской империи на множество отдельных кусков, часть из которых поглотят наши соседи. Но для этого им нужно или уничтожить царствующую династию Романовых, или хотя бы ослабить оную. И вот сейчас, государь, я обязан сказать вам очень горькие и страшные слова. Ваш сын, цесаревич Николай Александрович... – Генерал на секунду замолчал, собираясь с духом, а потом, мысленно обратившись за помощью к святому Николаю Чудотворцу, закончил свою фразу: – Его смерть была результатом хорошо подготовленного и заранее спланированного убийства.

Дежурный флигель-адъютант, Андрей Иванович Чекмарёв, прохаживался поблизости от двери кабинета императора и, как всегда, был несколько испуган. Об этой ахиллесовой пяте блестящего гвардейца, прослужившего до чина полковника в старейшем полку Российской армии, созданном самим царём-батюшкой Петром Алексеевичем, знали многие. Андрей Иванович не праздновал труса под ружейным и картечным огнём турок, но панически боялся вызвать неудовольствие начальства. Здесь, в Зимнем дворце, на каждом шагу можно было столкнуться с их высоко и просто превосходительствами из числа военных, статских и придворных чинов, а также со светлостями, сиятельствами и даже высочествами, как с местными, так и с заезжими. Как тут не вспомнить слова генералиссимуса Суворова: «Я был ранен десять раз: пять раз на войне, пять раз при дворе. Все последние раны – смертельные».

Сегодняшний день не задался. Появление шефа жандармов, коего, как, впрочем, и всех его подчинённых, недолюбливали и одновременно опасались господа офицеры, считая их службу не совместимой с понятиями чести, не сулило ничего хорошего. И предчувствия оправдались. Сперва государь повелел не беспокоить его до особого распоряжения, а после и вообще отменил приём на сегодня. Затем на сердце полковника немного полегчало. В кабинет подали чай и лёгкие закуски, но, зная вкусы государя, поблизости дежурил лакей с несколькими бутылками французского вина. Полковник Чекмарёв с облегчением вздохнул и мысленно перекрестился, но в этот момент из-за плотно закрытой двери раздался шум и треск, а затем даже не вопль, а буквально рёв, коий мог принадлежать только императору. Ясно можно было разобрать только два слова: «Никсу убили?!» Долг службы превыше всего, и флигель-адъютант, нарушив все писанные и неписанные правила, ворвался в кабинет, готовый защитить государя от нападения неведомого врага. Внутри он увидел опрокинутое кресло и сломанный столик, а напротив застывшего генерала Мезенцова, нависая над ним подобно Каменному гостю, стоял император, положив тому руки на плечи, как будто намеривался вогнать в землю. Хотя гнев явно затуманил разум самодержца Всероссийского, но он почти мгновенно среагировал на вошедшего и сумел взять себя в руки. Отступив на шаг назад, Александр II внезапно захрипел и начал судорожно рвать рукой ворот венгерки, тщетно пытаясь расстегнуть туго застёгнутые крючки. Первым среагировал генерал Мезенцов, который хорошо знал о приступах астмы, кои случались у государя ещё с юных лет. Мгновенно подняв опрокинутое кресло, он помог Александру Николаевичу сесть и с трудом, но расстегнул крючки его воротника. Метнувшись

за перегородку, он подхватил кислородную подушку, лежащую на кушетке, и передал её государю.

– Полковник, – рявкнул генерал на незадачливого флигель-адъютанта, который скорее мешал, чем помогал, – немедленно бегите за лейб-медиком, и не мешкая! И ещё одно, если вместе с Боткиным здесь появится толпа любопытствующих, то я лично буду просить его императорское величество отправить вас во глубину сибирских руд.

Чекмарёв, не смея возражать вслух, перевёл взгляд на императора и, дождавшись кивка, немедленно умчался, счастливый от того, что ответственность с него снята, можно не думать, а только выполнять команду. За те полчаса, пока он бегал по этажам Зимнего, Александру Николаевичу стало значительно лучше и он, невзирая на возражения Мезенцова, пожелал продолжить разговор, а посему приказал запереть двери кабинета.

– Государь, прежде всего я покорнейше прошу простить меня за то, что разбередил вашу душевную рану, но... – на этом месте его перебил император:

– Генерал, не будем тратить время на излишние церемонии. В этом дворце ушей больше, чем окон, и скоро в двери начнёт ломиться толпа людей. Итак, докладывайте.

– Слушаюсь, государь, – Мезенцов поклонился, снова присел, подчиняясь повелительному жесту императора, и продолжил, стараясь использовать лаконичные фразы, подобные тем, кои приличествуют рапорту, но Александра Николаевича интересовали мельчайшие подробности.

– Ровно через семь дней после смерти цесаревича Николая... – на этом слове и генерал, и государь, не сговариваясь, одновременно перевели свой взор на бюст Никсы и осенили себя крестным знамением, – у меня случилась краткая встреча с министром внутренних дел Валуевым. Он настаивал на разговоре тет-а-тет. Сие предложение было несколько удивительно, ибо я был ещё полковником, но, естественно, дал согласие. Встреча состоялась в парке, и, судя по всему, Пётр Александрович был весьма встревожен, ибо прибыл с тремя охранниками, кои разместились поодаль и обеспечили нам уединение. Его высокопревосходительство заявил мне следующее: «Я давно присматриваюсь к вам, господин полковник, и откомандирование вас для учёбы к управлению шефа жандармов было сделано не без моего участия. Не занимая высоких постов, вы не привлекаете нежелательного внимания со стороны и более свободны в своих действиях. Так вот, у меня появились основания считать, что цесаревича травили малыми дозами мышьяка на протяжении нескольких лет. Основанием к сему послужило мнение моего доверенного доктора Эллера, изложенное в его письменном заключении. Но следы преступления ведут за пределы Российской империи. Я предлагаю заняться расследованием, пусть пока и неофициальным, именно вам, ибо вы обладаете всеми необходимыми качествами для сей работы, а кроме того, это отличный шанс отличиться».

– И вы, Николай Владимирович, молчали об этом все годы, – с горечью сказал император, – ибо, зная вас, я не поверю, что оставили эту просьбу без внимания. И почему об этом ничего не сказано в сих тетрадах?

– Я без колебаний согласился взяться за это дело, государь, ибо невозможно оставить без возмездия виновников смерти цесаревича, – здесь генерал немного покривил душой, ибо первой реакцией на предложение министра были благоразумно не озвученные идиомы, цитирование коих было категорически запрещено не только в дамском, но и в обществе в целом. – Однако я не мог позволить себе идти к вам с докладом, не имея бесспорных доказательств. Тем паче, что сперва были определённые основания подозревать в сем преступлении королеву Пруссии и императрицу Германии Августу Саксен-Веймар-Эйзенахскую.

– Что-о, тетушку Августу?! – возмущённо спросил Александр Николаевич.

– Именно так, государь. И более того, по некоторым данным, её венценосный супруг, нынешний кайзер Германии, был в курсе дел и всячески содействовал созданию некоего постоянно пополняемого денежного фонда в тридцать тысяч марок, кои должен получать убийца

или его наследники за смерть любого из царствующей династии Романовых. Однако в ходе расследования возникли сомнения в достоверности улик, кои по неведомой причине не только не прятали, но буквально пытались нам подбросить. Затем поступили весьма ценные сведения от мадам Новиковой. Как я вам докладывал, государь, в салоне Ольги Алексеевны, коий она открыла в «Кларидж отеле», бывает очень много посетителей, среди которых присутствуют политики, аристократы, священники и те, кого можно отнести к категории богема. И в ходе одной из дискуссий, посвященных тому влиянию, кое оказали наполеоновские войны и Венский конгресс на Европу, один из молодых людей, чьи родственники имеют отношение к Форин-офис, несколько распустил свой язык. И, видимо, желая продемонстрировать свою ненависть и пренебрежение к Бонапарту, заявил, что они сумели покончить с «варваром на императорском престоле» и сия метода не утратила своей эффективности и через сорок лет.

Мезенцев сделал вынужденную паузу, он сильно нервничал, поэтому налил себе воды, промочил горло и продолжил:

– Позвольте вам напомнить, государь, что слухи об отравлении Великого корсиканца появились, как только весть о его смерти достигла Европы, и не утихают до сих пор. Три года тому назад мои люди, командированные во Францию, встретились в Трувиле с графом Маршаном, который на протяжении десяти лет служил камердинером у Наполеона и последовал с ним в изгнание на остров Святой Елены. Учитывая тот такт, с которым вёл себя граф Бальмен, назначенный императором Александром Павловичем комиссаром от русского правительства, он сумел завоевать уважение Великого корсиканца, кое сохранил и его верный камердинер. А посему он, заручившись гарантиями анонимности, позволил сфотографировать страницы своих дневников, где скрупулёзно описал, как ухудшалось здоровье Наполеона. Позднее, уже в России, мы поочерёдно продемонстрировали их трём докторам медицины, предварительно удалив из текста любые упоминания Бонапарта. Их заключения совпали: отравление мышьяком.

Мезенцев достал из папки три конверта и продемонстрировал императору соответствующие выводы эскулапов.

– Вашего сына, как и Наполеона, не убили мышьяком, но нанесли непоправимый ущерб здоровью и позволили недугам завершить своё чёрное дело.

– Почему об этом нет ни слова в докладе? – прозвучал вопрос государя, похожий на выстрел в упор.

– Потому что не решился доверить это бумаге, пока. Но ожидаю в ближайшее время получения бесспорных доказательств сего и роли британцев во многих преступлениях против правящей фамилии.

Пока шел этот разговор, шум за дверью постепенно нарастал. Несколько раз императору приходилось издавать командирский рык, и на время воцарялась тишина. Но когда после стука в дверь послышались голоса доктора Боткина и княгини Долгоруковой, Александр Николаевич капитулировал и, прежде чем Мезенцов должен был впустить посетителей и удалиться, император спрятал папки в потайной ящик и сказал:

– Генерал, как только вы получите доказательства, я вас жду. И если это правда, то я начинаю личную войну с Британией.

Но, увы, эта встреча была последняя. Уже через день слухи о столь надолго затянувшейся аудиенции шефа жандармов гуляли по столице. После нервного дежурства Андрей Иванович зашел в небольшую ресторацию, известную умеренными ценами и прекрасным качеством блюд. Там он заметил старого знакомого, неприметного английского дипломата, Эдмунда Константина Генри Фиппса, внука первого барона Малгрейва Генри Фиппса и бывшего губернатора Цейлона сэра Колина Кэмпбелла. Сей приятный и обходительный джентльмен, сибарит, охотно соривший деньгами, уже несколько лет (с небольшими перерывами) трудился на должности одного из секретарей посольства, не проявляя слишком большого рвения в службе.

Единственное, что не знал Чекмарёв, так того, что восемнадцатилетний внук барона Фиппса участвовал в тайном собрании в Уоберн-Эбби, после чего в том же, 1858 году, выпускник школы Харроу встал на стезю дипломатической карьеры. Что такое ляпнул полковник во время приятной беседы с дипломатом, которого знал по многим приемам, установить так и не удалось. Но в результате этой беседы генерал-лейтенанту, генерал-адъютанту, шефу жандармов и главе Третьего отделения Николаю Владимировичу Мезенцову был вынесен смертный приговор.

Глава шестая. Уходящая вдаль

*Не люблю этих пикников возле смертного одра.
Императрица Мария Александровна*

*Санкт-Петербург. Зимний дворец.
11 февраля 1880 года*

ЕИВ Мария Александровна

14 января 1880 года императрица Мария Александровна (в девичестве, до принятия православия Максимилиана Вильгельмина Августа София Мария Гессенская и Прирейнская) вернулась из Канн, где проходила очередной курс терапии. Она с детства не отличалась здоровьем, а тут еще это проклятие девятнадцатого века: туберкулез, с которым в то время бороться совершенно не умели, да и в наше время он лечится с огромным трудом. Тридцать девять лет она была женой Александра, сына императора Николая. За это время подарила мужу восемь детей! Предназначение императрицы заключалось в рождении наследников престола в максимально возможном количестве.

Сегодня она проснулась вся в холодном поту, ей приснился страшный сон. Неудивительно! Последних двадцать лет она жила в постоянном страхе потерять супруга, за которым охотились проклятые «нигилисты». Мария не разбиралась в том, к каким группировкам принадлежали те, кто пытался убить государя, называя их всех самым привычным для нее словом. Еще в Каннах начали приходить странные видения, не похожие на другие. Но все это было совершенно небольшими фрагментами, отрывками, которые не складывались в единую картину. И вот сегодня, в эту морозную январскую ночь, когда она согреться не могла даже в спальне, под пуховым одеялом, к ней пришло прозрение: вся картина развернулась перед ее мысленным взором во всей своей страшной и отвратительной полноте. И дева Мария, мать Божья, небесная покровительница ее, защитница и спасительница государства Российского, светлым ликом своим и горькими слезами из глаз своих подтверждала: это должно случиться! Государыня пошевелилась, потом позвонила, призывая прислугу, и велела одеваться. А потом молилась, истово, чтобы понять, что ей со всем этим делать. От молитв или от того, что еще не завтракала и не имела совсем сил, но Мария Александровна на несколько секунд сомлела. В видении она увидела, как следует поступить.

Обеспокоенный лейб-медик появился буквально через четверть часа после того, как государыню привели в чувство. Императрица позволила себе отвлечься на Сергея Петровича Боткина. Несмотря на всё его искусство, надежды на выздоровление не было. В 1875 году он оказался первым русским врачом, который был «пожалован в лейб-медики Двора Его Императорского Величества с назначением состоять при Её Императорском Величестве государыне императрице с оставлением при занимаемых им ныне должностях». Увы, умения Сергея Петровича лишь продлили жизнь Марии Александровны, но силы стремительно уходили из нее. Боткин появился у ее ложа взъерошенный, обеспокоенный, его прическа была не слишком аккуратной, а усы и борода подстрижены самым хаотичным образом. Чумной скандал²¹ подорвал авторитет лейб-медика, отразившись на его повседневных привычках, но императрица менять врача уже не собиралась. Побеседовав, государыня попросила Сергея Петровича оставить ее одну. Она ждала прихода епископа Ладожского Гермогена, викария Санкт-Петербургской епархии. Константин Петрович Добронравин был известным ученым, историком, философом.

²¹ В начале 1879 года Боткин выявил у столичного дворника Прокофьева чуму. В столице поднялась паника. А Прокофьев взял... и выздоровел. Скандал! Боткина обвинили в непрофессионализме, хотя, скорее всего, он просто перестраховывался, в таком деле, как чума, лучше перебдеть, чем недобдеть...

фом и богословом. Он принял монашество после смерти супруги в 1873 году, предварительно устроив судьбу дочери. В этом же году появился его труд «Очерк истории славянских церквей», который привлёк внимание императрицы. В 1876 году он стал епископом, викарием Санкт-Петербургской епархии и частым собеседником ее величества. Он имел на государыню не меньшее влияние, чем духовник трех императоров, протопресвитер Василий Борисович Бажанов. Гермоген появился примерно через час после ухода лейб-медика Боткина. Государыня попросила исповедать ее. Когда все оставили их вдвоем, епископ стал читать покаянный канон. Но читал его быстро и кратко, видел, как быстро силы покидают пожелавшую исповедоваться женщину. В таких случаях Господь простит своему ничтожному слуге отступление от правил. Но государыня за эти несколько минут сумела собрать волю в кулак, стараясь говорить тихо, но четко и внятно.

– Мне был страшный сон. Он посещал меня не раз и не два. Это как мозаика, когда картинку надо сложить из маленьких осколков. Господи! Сегодня я увидела его... весь. И пришла во сне ко мне Дева Мария. Она смотрела на меня, и слёзы капали из её глаз.

Императрица замолчала. Гермоген молчал тоже, он не знал, что ему сейчас говорить, предпочитая слушать.

– Я видела смерть своих детей и внуков. Страшную мучительную смерть! Всё моё потомство погибнет! Всё! Вместе с империей. «За что это нам?» – спросила я небеса. И нам, Романовым, и стране нашей. Русские люди, верноподданные будут убивать их, как скот на бойне. Простые русские люди... – императрица сделала вынужденную паузу, чтобы отдышаться, успокаивая изъеденные болезнью легкие. – Они были в необычной отвратительной форме. И в их руках было странное оружие. И на их руках была кровь Романовых. И я спросила уже Деву Марию, Матерь Спасителя нашего: «За что?» Она сказала: «Внуки твои будут предавать друг друга. Господь накажет Романовых за их грехи. За стяжательство. За жадность. За властолюбие. И самым страшным будет грех Иудин». И мы плакали вместе.

– Тебе Матерь Бога нашего, Спасителя Иисуса дала какой-либо знак, дочь моя? – еле сумел выдавить из себя Гермоген.

– Она плакала. И слезы ее были кровавыми... И я плакала. И слезы мои падали на землю русскую, пропитанную моей кровью.

Рука императрицы безвольно упала на постель. Силы быстро покидали нестарую еще женщину. Гермоген понимал, что уйти просто так не сможет. Ему надо было что-то сказать. Он произнёс нечто, что, по его мнению, соответствовало ситуации, стараясь утешить человека, которому остались несколько дней жизни.

– Разве не милостью своею Дева Мария, Матерь Спасителя нашего, Иисуса Христа, освятила тебя во сне твоём? Разве показывает Господь тебе, что случится? Сие лишь то, что может случиться. Всё в руке Божьей... Молиться надо, чтобы миновала семью твою чаша сия...

Женщина перекрестилась, Гермоген поразился: «Откуда у нее только силы взялись?»

– Мне осталось немного, я знаю, что могу умереть со дня на день. Я хочу собрать детей своих и сказать им слово своё. Сказать всем Романовым.

– Благословляю тебя на подвиг сей, дочь Господа нашего, Мария.

Санкт-Петербург. Зимний дворец. Покои императрицы Марии Александровны. 12 февраля 1880 года

– Мари, дорогая, вы слишком слабы...

Кто бы что ни говорил, при всей своей влюбчивости, необычайной способности увлекаться к императрице, матери своих детей, Александр Николаевич относился с особенной нежностью и предупредительностью. Да, многочисленные роды подорвали телесные силы этой хрупкой особы, которая и в молодости здоровьем не блистала. И в последнее время ситуация

в августейшей семье была весьма двойственной: фактически император жил с Долгоруковой, разве что старался, чтобы его женщины не пересекались, хотя их покои были в одном крыльце дворца, любовница – этажом выше. Он ценил императрицу за ее особый такт: за всё время она лишь однажды вмешалась в дела державы, настаивая на освобождении Болгарии и всех православных балканских народов от турецкого ига. Утешением этой бледной болезненной женщины были религия и благотворительность. И тут такая неожиданность. Она опять проявила необычайную твердость духа и упорство, сталкиваясь с которыми, Александр всегда уступал.

– Я обязана, *mon chéri*²², я обязана сказать...

– Прости меня, Мари, но что такое ты должна сказать нашей семье, что хочешь собрать их всех вместе?

– Это важно. Моя последняя воля. *Dernier mot*²³.

– Хорошо, Мари, я прикажу собрать их всех. Это обязательно завтра?

– Чем скорее...

– Завтра в полдень. Все соберутся в обеденной зале.

Неожиданно для себя император склонился и прикоснулся губами к ее руке. Он хотел знать, что хочет сказать Мария, но боялся ее утомлять. Легче было согласиться, сделать так, как она хочет.

В расстроенных чувствах император шел длинными переходами Зимнего дворца: анфилады комнат, одна за другой; он был сегодня слишком взволнован и спешил отдать приказания, а самому отправиться к своей «милой Дусе». Идя по анфиладам комнат второго этажа, он даже сам не знал, как и зачем тут очутился, хм... это же недалеке от обеденной залы. Надо отдать распоряжения. Где же мой адъютант? Ах, вот и он! Дежуривший сегодня при императорской особе Пётр фон Энден сам нашёл государя.

– Ваше императорское величество! Разрешите доложить: вас ожидает министр просвещения...

Повинуясь руке царя, фон Энден замолк.

– Петя, немедленно... сообщить всем Романовым, кои находятся в столице, что завтра в полдень мы собираемся в обеденной зале, дабы выслушать последнюю волю ее императорского величества, Марии Александровны. На сегодня все визиты отменить. Министра просвещения на послезавтра, в десять часов поутру.

Верный адъютант кивнул, тут же помчался выполнять приказание монарха. Он ценил этого курляндского немчика за точное исполнение приказов и подчеркнутую дисциплинированность. Никаких загулов, никакого манкирования своими обязанностями. Александр II признался себе, что он раздражён из-за того, что на завтра была назначена важнейшая встреча, которая к тому же должна была пройти в режиме максимальной секретности. В восемь часов поутру государь в статском собирался в простом экипаже отправиться на randevu, для которого была выбрана конспиративная квартира, о которой знали буквально несколько человек в самом ближнем окружении царя. Поэтому государь и собирался ночевать у младшего брата в Новомихайловском дворце. Оттуда удобно было на неприметном экипаже, который предоставит его доверенный человек, добраться в нужное место. Вопрос был в том, как успеть еще и на это мероприятие, ну что же, придется появиться в Зимнем в самом недопустимом (для императора) виде. Завтра он получит ответ на вопросы о том, кто стоял за убийством генерала Мезенцова, а также результаты расследования смерти царевича Николая. Он уже предвидел, к каким выводам могло прийти следствие, понимал и то, что обещанием объявления личной войны Британской империи так просто не разбрасываются. Завтра мир станет иным! Совершенно иным! Он нашёл этого молодого человека, подающего надежды рядового сотрудника

²² Мой дорогой (*фр.*).

²³ Последнее (заключительное) слово (*фр.*).

военного министерства, совершенно случайно... Ему назвал эту фамилию в разговоре князь Вяземский, почему-то Александр запомнил и имя, и фамилию. Так появился агент императора «Медведь», имени которого, кроме двух человек (включая и самого царя), никто не знал.

От мыслей государя отвлек какой-то шум. Он посмотрел на источник неприятного звука: им оказался молодой человек, то ли столяр, то ли печник, который, кажется, собирается ремонтировать полку у печки. Точно! Это столяр! Как его там зовут? Степан!²⁴ Точно, мне же рассказывали анекдот про него, мол, понравился приятный и сообразительный столяр одному из жандармов, что отвечают за безопасность дворца. И так крепко понравился, что задумал онный взять его в свою семью зятем. Говорят, что дочка у жандарма не удалась собой внешне, да и приданого прижимистый папа не отвалит приличного, вот и ищет кого проще. Ну что же, парень вроде приятный, ежели повалится мне в ноги, я его от кабальной женитьбы освобожу! И государь приветливо улыбнулся работнику, который низко поклонился монарху.

Халтурина еще долго била дрожь. Вот же он, тот момент, ради которого он тут оказался! Молоток был в его руке. Ведь хотел броситься на монарха и убить его, одним ударом завершив своё дело! Что остановило его руку? Добрый взгляд царя? Его массивная фигура, гвардейская стать? И Степан честно признался себе, что испугался – испугался того, что его схватят, независимо от того, удастся ему убить тирана или нет. Да, он готов пройти сквозь пытки и казнь... но не готов. Есть разница между словами и делами! Представив себе допросы и пытки, которым, несомненно, его подвергнут, он почувствовал эту предательскую слабость в ногах, которая так точно выдавала его страх. Нет, он был готов заложить последних три фунта динамита, которые сейчас спрятаны в его подушке (неприятное дело спать на динамитных брусках), поджечь запал и покинуть дворец. Его жизнь еще нужна революции! Завтра соберутся Романовы, он слышал разговор царя с адъютантом. Он взорвет их всех! Найдя компромисс с совестью, Халтурин пожалел только о том, что не сможет пойти на конспиративную квартиру, куда товарищи приводили ему то одну, то другую барышню с весьма древнейшей профессией, чтобы потешить плоть и поддержать дух еще не состоявшегося цареубийцы! Нет, сегодня самая строгая смена царских церберов дежурит, никуда не пойду!

²⁴ Халтурин устроился под именем Степана Батышкова сначала на верфи, а потом попал с этим именем и во дворец.

Глава седьмая. Око тьмы

*Хотите путешествовать далеко и быстро?
Путешествуйте налегке.
Чезаре Павезе*

Санкт-Петербург. 13 февраля 1880 года

Пригов

Бывший матрос императорской яхты «Александрия», Семен Пригов, был человеком набожным. Господь, не иначе, уберег его, когда он сорвался с мачты, сломал ногу да руку, но голову сохранил в целостности Всевышний. Рука зажила, а вот ногу злобный медикус после двух недель мучений все-таки отнял более чем по половине бедра. Случилось это пять лет назад, когда молодому парню исполнилось двадцать лет ровненько. Исполнительный и расторопный матрос имел расположение начальства, говорили, что деньги на его небольшой пенсioen выделил сам государь. Но это неведомо, поговаривали, что все-таки призрела его государыня-матушка. В эту историю Семен, сын Ивана Пригова, крестьянина Смоленской губернии, верил намного более. Семен был в толпе зевак, собравшихся у Зимнего дворца. По какой-то причине новость о собрании Романовых разнеслась по Петербургу, и в окрестностях дворца скопилась приличная толпа зевак, поглядеть на правящее семейство. Все-таки какое-никакое, а развлечение! Вот только смотрел бывший матрос не на показавшуюся невдалеке карету, а на небольшое черное облачко над головой. Слишком тихо было в небесах, а черная тучка, напоминающая очертаниями око человеческое... да нет, скорее, надо бы назвать это Оком Господа, только бы не Сатанаила! Ох и не нравились моряку такие свинцово-черные маленькие тучки. Кабы не огрести неприятностей по самое не хочу!

А экипаж, подъехавший к Зимнему, был самого что ни на есть непритязательного вида, без вензелей и украшений, из него выскочил государь в непривычном партикулярном платье, с настолько разгневанным ликом, что обывателей, пытавшихся изъяснить верноподданнические чувства, с его дороги как ураганом смело. По толпе зевак прошел шепоток, всех смутил вид императора, что вызвало целую волну самых различных предположений.

Но Александру Николаевичу, самодержцу Российскому, было не до праздно шатающихся дам и господ, он был необычайно взволнован, что же, собрание фамилии будет прекрасной возможностью объявления нового курса, коим пойдет его держава. Из двух великих империй должна на ногах устоять всего лишь одна! Он бросился на третий этаж в покои княжны Долгоруковой, которая уже извелась (охота революционеров на государя печалила обеих его женщин – и жену, и любовницу). Надо успеть переодеться и ее успокоить, а жену он успокоит на семейном собрании.

Утром государыня закончила секретарю диктовать своё завещание, в котором не было ни слова о ее деньгах или драгоценностях, но было много о семье и о будущем. Выверенный и переписанный документ был дан на руки императрице, а черновик спрятан в ее личном сейфе. Сейчас Мария Александровна уже была одета к выходу в семью, к ее постели прикатали кресло-каталку, но она еще лежала, ожидая вести того, что все собрались и ждут ее появления.

Младший из сыновей Николая Павловича, Михаил Николаевич Романов всего месяц назад был назначен председателем Государственного совета²⁵. Почему брат поставил его вместо Константина? Второй по старшинству из братьев Романовых очень крепко не угодил наследнику престола, который хотел, по слухам, значительно «сократить» число великих кня-

²⁵ В РИ это событие произошло 14 июля 1881 года уже после убийства Александра II.

зей, расплодившихся на Руси сверх всякой меры. Александр Александрович сделал всё, чтобы тот утратил влияние на государя, хотя батюшка все еще сохранял приверженность либеральным реформам, вынужден был, по настоянию сына, отодвинуть брата от дел в Госсовете. Тут был еще один штришок, известный Михаилу, грязная интрижка Владимира Николаевича, да не будем выносить сор из семьи! Он и замешкался из-за того, что не мог относиться к своим обязанностям в Совете спустя рукава, вот и задержала его делегация слишком говорливых сенаторов²⁶. Еле отбилась от них, да вот никак не мог успеть – пешком бы добежал быстрее, наверное, чем тащился в экипаже по переполненным людьми улицам. Какая нелегкая вытащила их на свежий морозный воздух? Не видят, что ли, гроза в небесах собирается, а ежели не гроза, так что-то неприятное. Сиди дома и носу на улицу не кажи, так нет же! Повылезали! О! Да это не я один запаздываю! Вот и катерок вижу с Сашкой, из Кронштадта спешит, мерзавец, не знает, что не вовремя явиться негоже, а я-то как ему буду на это пенять, коли сам опоздавши?

Степан Халтурин был доволен собою. Он рано поутру заложил последние динамитные бруски в печку, расположенную прямо под обеденной залой. Через полчаса там господа Романовы будут собраны для того, чтобы выслушать завещание императрицы. Единственная из всего змеиноного семейства, она вызывала какую-то жалость и сожаление, но ведь народила тирану вырождков-тиранят! Ей всё одно жить день-два осталось! Ничего! А своим скажу, что не бросился с молотком на императора из-за его ласкового ко мне обращения, растерялся, мол... Окончательно успокоив свою совесть, молодой террорист направился к месту, где был спрятан сундучок с запальным шнуром, который осталось только поджечь и давать из дворца дёру. Сундучок был хитро устроен, а шнур вел непосредственно к динамиту. О жизнях слуг и зевак, коих у Зимнего всегда было великое множество, молодой революционер ни на секунду не задумывался. Хотел убедиться, что ничего не изменится, что обязательно все сойдутся. Не смешите меня! Охрана будет бегать с выпученными глазами, одуревая от толпы князей и княжон, не говоря о царе и его наследниках. Никто ничего не заметит. Эх! Только бы запал не подвел. Степан не был уверен, что шнур фабричный и взрыв произойдет так, как рассчитывал. А вот динамит... он не знал, из какой страны его завезли, но отличить фабричное изделие от неаккуратных сероватых брусков, отвратительно вонявших, создаваемых химиками-революционерами на конспиративных квартирах, уже мог. А вот и он... будущий тестюшка нарисовался, увидел меня, кивнул и помчался – какую-то важнейшую особу охранять! Бдит! Боже, а эта его пучеглазая доченька. Хорошо, что сейчас все решится, а то пришлось бы под венец! Да лучше бы меня *разорвало*, чем с такой под венец...

И тьма внезапно обрушилась на здание, а по печке, в которой был заложен динамит, поползли фиолетовые всполохи. Халтурин от неожиданности зажмурился...

Неожиданно Семен Пригов даже не закричал, а замычал что-то невразумительное, крики с каким-то хрипом вырывались из глотки, а перст его был уставлен в небо. Соседка, поднявшая глаза, тут же стала неистово креститься, только это было ни к чему уже, совсем ни к чему. Око тьмы стало огромным и каким-то абсолютно черным, зияя страшным провалом сатанинского зрачка. По краям черного круга клубились свинцовые тучи да пробегали фиолетовые сполохи. Тьма ударила вниз, накрыв Зимний и прилегающее к нему пространство, то тут, то там побежали искорки, и тут внезапно загремело! Огромной силы взрыв разметал людей, калеча, сминая, отбрасывая в холодные воды Невы. Осколки камней и стекла били по человеческой массе, сея смерть и разрушение...

«Последний час пробил!» – успел подумать калека-матрос, теряя сознание.

²⁶ В этой ветви истории Государственный совет перебрался в Мариинский дворец в 1879 году, в РИ это случилось в 1881-м уже после взрыва в Зимнем.

Часть третья. Если пропадать, так с музыкой!

Неужели, чтобы что-то понять, человеку надо пережить катастрофу, войну, боль, голод, близость смерти?
Эрих Мария Ремарк

Глава восьмая. Выстрел дуплетом

История не бывает мертвой, потому что она все время повторяется, хотя и не одними и теми же словами, не в одном и том же масштабе.
Робертсон Дэвис

*Санкт-Петербург, окрестности Зимнего дворца.
13 февраля 1880 года*

Коняев (великий князь Александр Михайлович)

Очнулся! Ох уж мне ах! Холодно! Х-х-холодно! Ма mère!²⁷ Матушка моя дорогая!!!

Успел только осознать, что меня тащат чьи-то крепкие руки, тащат... и я в воде! Это что, утопленник! Меня охватила паника, потому что топиться я не собирался! Да и купаться... тем более, да еще зимой... Стоп! Если это твой любимый Питер, то это может быть и осень, и весна, что тебе это дает? Идиот! Не захлебнись... Я делаю какие-то судорожные движения, но меня уже вытаскивают на гранитные ступени... и тут же меня начинает рвать... Все-таки наглогался воды!

Что я? Кто я? Где я?

Конюхов (великий князь Михаил Николаевич)

Что случилось? А-а-а! Нашатырь! Он всегда помогает мне вернуться. У! Какой ядреный... Мозги вышибает на раз! А-а-а, что это со мной? И куда это меня тащат? И почему я ничего не слышу? Как в тумане... нет, не ёжик... голова как в тумане. Руки, люди, руки... руки... кровь? Откуда кровь, что, падая, головой приложился? Не было такого! Я точно помню... Бог мой! Это не я! Это я? Почему ничего не слышу?

Что я? Кто я? Где я?

Коняев (великий князь Александр Михайлович)

Первое, что я понял, когда меня вывернуло на гранитные ступени, так это то, что у меня удалось куда-то перенестись. Вот только куда и в кого? И почему у меня такие тонкие и худые руки? Ребенок? Подросток? И что это за тяжесть? Одежда? Отдаленно напоминает морскую форму – в этом ошибиться было сложно. Так, стоп... Почему я в воде был? Стараюсь как-то включить сознание, вот только оно не включается, понимаю, что меня еще сильнее тошнит, опять стало рвать грязной невиской водой... Почему невиской? Пытаюсь словить какие-то ассоциации, но они ускользают от меня... Сознание было слишком затуманенным, как будто еще и приложило меня по голове чем-то тяжелым. Слава тебе, господи! Нашлась добрая душа! Чьи-то заботливые руки помогли как-то удержать тело, пока меня скручивало от рвоты и ужаснейшей головной боли... И то, что я вырубился и наступила спасительная тьма... это было в какой-то мере счастьем... И я провалился в черноту, беспросветную, как и та прорва, сквозь которую

²⁷ Мама моя! (фр.)

пришлось пройти всего пару мгновений назад. Неужели всё напрасно? Рубильник щелкнул. Точка.

Конюхов (великий князь Михаил Николаевич)

Что я? Кто я? Где я?

Кто я? Где я? Что я?

Где я? Что я? Кто я?

Эти три вопроса носились у меня в пустой пока что черепушке. Только эти три вопроса. Неужели я умер? Кто я? Стоп! Конюхов я, историк! И это... значит я умер и перенесся... Где я? Куда я попал... «Попал» – вот ключевое слово! Про попаданцев я слышал, даже читал... ничего хорошего об этом жанре сказать не могу, у меня ироничную улыбку вызывали авторы, переделывающие прошлое по меркам современного будущего. Самоуверенность попавших в ампиракторов просто зашкаливает... Махнул рукой – у тебя в руке атомная бомба, махнул второй – спутниковая группировка и пеленгация в одном флаконе... Черт-те что! Это я не про попаданцев, мать Божья! Это я про кровь! Так! Внимание! Боль! Больно же как! Голова просто раскалывается... Боль есть, значит, живой я... только вот кровь на руке... а рука не моя и кровь... не моя... голубая у меня нынче кровь, так я понимаю... Не по цвету. По цвету бордовая она как раз, хорошо, что не алая, из артерий не хлещет. А про голубую, так это потому что рука моя в дорогом мундире... точно, такая одежонка не у простолюдина... как минимум, генерала, и не какого-то там... Стоп! Будем считать, что это сон! Меня тогда торкнуло, когда академика сердце прихватило, его в реанимацию потащили, а я потерял сознание и подвис. А что дальше-то было?

Подергался. И понял, что шевелиться могу, вот только больно... А! Лежать, да еще хрен его знает, что тут происходит, непонятно... Надо попробовать осмотреться... даже если это сон – подышать во сне не собираюсь! Не на того навалились!

Пытаюсь приподняться. Б...во! Левая рука не работает! Кое-как переверотом поднимаюсь, цепляясь правой за каменный парапет... Ну это... матерюсь, но про себя... Я человек воспитанный, наверное... Потому что что-то пытаюсь промычать, вот только получается плохо. Зачем я повернулся в эту сторону? На меня уставились глаза лошади. Лошадь была мертва. В ее глазах застыло удивление и отчаяние! Меня вывернуло, хорошо, что парапет был рядом... Здравствуй, тряска головного мозга! Были бы мозги! Стоп! Сотрясение есть? Понимаю, что есть, следовательно, мозг тоже есть... Голова тоже, в смысле... Чёрт подери! Мне эти глаза невинного животного, наверное, еще долго сниться будут. И все-таки, приподнимаясь, понимаю, что попал я в прошлое, конкретно так попал: вот Васильевский остров, вот плашкоутный дворцовый мост, я его таким только на гравюрах видел... А в каком году его перетащили сюда, к Зимнему! А что это за хрень? Биржа... Точно. И колонны на месте... Голова кружится, а во рту-то как пересохло... Почти падаю, слишком голова кружится, и точно, что не от успехов...

Помощь! Вот оно... Чьи-то заботливые руки меня аккуратно поддерживают. Я могу даже встать. Ну как так встать, меня поднимают, это будет правильно сказать... А башкой-то меня точно приложило... Ну и сон! На хрен такие сны! Человек пытается что-то мне сказать, кричит, ага, значит, не слышу его, контузило? Барабанные перепонки полетели? Весело, однако! И что-то мне не нравится, что я пока ничего из-за спин моих помощников числом три человека и шесть рук не вижу... Разойдитесь-ка, братцы, дайте посмотреть, что тут произошло! Дошло! Один, тот, что в форме, он продолжает меня поддерживать, что-то прикладывает к голове, платок, наверное, сторонится... Проснись! Нашатырю! Проснись! Б...дь! Что это?!

Я матерюсь, потому что иначе не могу выразить эмоции, которые... да какое там которые! Трупы! Перевернутые кареты! Лошади, бьющиеся в агонии, люди, мертвые люди! А это что за?.. Что за желтая хрень и вся в развалинах? И только тут до меня дошло, что это здание темно-желтого цвета – Зимний... Который Эрмитаж только частично... Стоп! Почему он такой

грязно-желтый! Ну, сила привычки! Знаю ведь, что он был желто-кирпичный, почти красный, его уже после войны (Великой Отечественной) окрасили таким образом, как я привык его видеть, в бело-голубые тона, картинка в голове из моего времени... Стоп! Так тут двух третей здания нах! Это что? Пожар тридцать седьмого (тысяча восемьсот, естественно)? Но пожар был страшный, а здание не пострадало настолько... Нет! Взрыв Халтурина? Ага! Так там только кусок здания пострадал, часть комнат, но фасад не рушился, развалин не было... Там только два пуда динамита рвануло... Да! Хрен с ним! Если я тут генерал... вот как меня под ручки поддерживают, чтобы, не дай боже, не рухнул и не повредил себе чего... Тут понимаю, что вместо мата могу сказать, прохрипеть, точнее, пару слов...

– Кто таков?

Это я к тому, что меня уже перестал держать и перестал загораживать эту кошмарную картину... Здоровила такой в партикулярном платье, только выправка у него не цивиличная.

– Ротмистр Третьего отделения Собственной Его Императорского величества канцелярии Рукавишников! – это сей тип четко докладывает.

– Ротмистррр... т. го... я...ой...го...ства... Рррру...ов...!

Я уловил, скорее, даже по губам, впрочем, звуки до меня доходят! Вот только как через вату... Ротмистр это хорошо! Фамилию не расслышал... Почему он в штатском? Стоп! Скорее всего, жандарм и тут оказался неслучайно! Ладно, Это хорошо...

– Оцепление!

– Надо...

– Всем помощь!

– Найти!

Ротмистр умчался... Резво бежит!

Так! А это кто? Один в гражданском, какой-то обыватель, а это кто? Знакомая морда лица! Стоп! У меня контузия, не соображаю. У обоих видок тот еще! Изорванная одежда, в грязи, я-то точно лучше не выгляжу...

Команды выдавил из себя по слову... Что это? И пить хочется, жутко хочется пить! Холодно! Это меня озноб от холода бьет или адреналин?

Ведерников

– Понимаю ваш вопрос, господин ротмистр. Я был вот здесь. Вот. Точно здесь. Видите, я спешил на Дворцовую площадь и был расстроен тем, что запаздывал. А как тут было не запоздать, ежели Марфуша изволила опрокинуть мне на сюртук суп! Я ведь спешил! А с людской лучше всего выскочить ... а тут Марфуша, пришлось возвращаться, а получилось, что парадный плащ у меня обварен, а в стареньком я тут попал...

– Венедикт Парфенович, не отвлекайтесь!

– Ах, прошу меня простить любезно!

– Откуда вы узнали о том, что в Зимнем дворце будет какое-то важное событие?

Жандармский ротмистр устало подвинул к себе схему, на которой палец свидетеля уткнулся в точку на плане, обозначающую его местоположение в момент взрыва. Карандашом начертил кружочек и надписал над ним «Ведерников».

– Так это в городе каждая собака знала, ваше благородие! Еще прошлым вечером к уважаемой Домне Давыдовне пришла ейная знакомая, госпожа Черепучкина, известная сплетница и сводня, доложу я вам. Она меня пыталась... Ах, простите, к делу сие не относится, так вот, от оной сводни Черепучкиной, Никодимы Афанасьевны, у нас в доме и узнали о том, что в Зимнем дворце поутру соберутся сиятельные особы. И я так спешил, чтобы хоть одним взглядом, а тут такое...

– Адрес знаете?

– Чей, мой-с? Знаю, конечно же...

– Ваш я записал, адрес Черепучкиной меня интересует.

– Ах... ея... нет-с, не могу сказать. Вам надо у домовладелицы узнать, ея подруга, ей-ей говорю.

– Хорошо. Что вы видели, когда оказались у Адмиралтейства?

– У Адмиралтейства я увидел своего знакомого, Павла Павловича Контри. Он живет в доходном доме напротив. Мы вот тут и стали разговаривать. Он сообщил мне, что уже все собрались, народ с Дворцовой площади стал расходиться, ибо кто знает, сколько надо будет ждать отъезда. Я же решил, что обязательно дождусь, хоть в столице живу, а столько членов фамилии вместе не часто можно лицезреть. И тут вижу, что удача повернулась ко мне лицом. Со стороны Адмиралтейства карета подъехала, она ближе к Зимнему остановиться изволила.

– Где именно находилась карета? Покажите на схеме.

Это была личная инициатива жандармского офицера: найти схему Дворцовой площади и на ней делать отметки. Палец свидетеля уткнулся в место, где был уже нарисован квадратик, следовательно, верно, местоположение кареты Михаила Николаевича Романова указано точно.

– Вот тут-с... Непременно тут-с... и из нея вышел великий князь Михаил Николаевич, весь в мундире и орденах.

– Почему карета остановилась здесь, на углу, а не у входа во дворец?

– Я знать не могу, отчего она подъехала от сей стороны, ваше благородие, а вот почему тут остановилась, могу сказать почти достоверно, ибо я все видел на свои глаза, да-с!

После этих слов ротмистр напрягся, вдруг в деле появится хоть какая-то зацепка, несуразность? Хоть что-то!

– Я видел, как к пристани, ну, той, что Александринский столп через нея доставили, так к пристани подошел катер, а на катере был молодой князь, Александр Михайлович, вот, отец, скорее всего, навстречу сынку и вышел. Они, видно, дале хотели суместно идти, я так понимаю.

– Почему вы так решили?

– Так великий князь Михаил Николаевич ить из кареты вышел и даже пару шагов навстречу к пристани сделал, да еще и рукой махнул приветственно, видать, из кареты сынка увидал-с...

– Катер уже пристал?

– Так точно-с...

– И вы это видели?

– Так точно-с... Собственными очами наблюдать изволил, а зрением я не обижен, даже более того, весьма на очи остер! На охоте сие знают, что я дичь увижу, где иной пройдет и не заметит!

– Понял я, понял. Покажите, где находился великий князь... так, а его сын? А он был на катере или уже на пристани? Еще на берег не сошедши, вижу. Всё ясно. Хорошо. Что произошло в момент взрыва?

– А перед взрывом небо стало таким черным, яко ночь упала на наши головы, спаси Господи! – свидетель размашисто перекрестился, чуть не сбросив чернильницу на пол. Хорошо отработанным движением ротмистр вернул письменную принадлежность на место и взглядом упрекнул сидящего напротив человека, мол, что вы это тут руками размахались?

– И хочу сказать, что такой черной тучи я еще не видал. И похожа она была ... на боченок! Точно! И по краям тучи были такие сполохи! Синяго, нет фиолетового колеру! Точно! И яркие оне были! И тут как громом ударило, да так, что окна навывлет, меня опрокинуло на землю и по оной потащило, правда, недалеко, да-с... Вот тут я очутился. И встал! Осколком оцарапало, ваше благородие! Да одежонка в негодность пришла... я оглядываться стал... А на площади тут еще ничего, перед Адмиралтейством, значит, а там, дальше! Кареты попереворачивало! Людей разметало! Я ишшо Зимнего не видал, а как за здание Адмиралтейства

выглянул, так остолбенел! Зимнего-то дворца нетути! Развалины одни! А дым еще клубицца! И эта! А! Горит! Вот в трех местах огонь видел! А тут еще я Павла Павловича увидел.

– Какого Павла Павловича?

– Контри! Знакомца своего. Только он ничего мне сказать не мог, ибо грудь ему камень разворотил. Да-с...

– Где вы видели тело господина Контри?

– Вот здесь! В момент взрыва он побежал к карете великого князя, хотел изъяснить верноподданические чувства... Я так разумею, а тут оно и нашла смертушка лютая!

– Еще раз укажите, где господин Контри был на момент взрыва и где вы нашли его тело!

– Вот-с! Извольте. Вот тут точно! И тут я вспомнил про карету великого князя и подбежал к ней. Карета была перевернута, ее отбросило к парапету – вот сюда. Я увидел кучера, у него почти что голову оторвало, лужа такая натекла! А во тут – вот тут, неправильно у вас указано было, вот тут был Михаил Николаевич, он пытался подняться, у него голова была в крови, я раненых не видел, но тут семи пядей во лбу не надо – бросился на помощь, постарался поднять ее импе...

– Точно тут он был?

– Вот туточки! Я так понимаю, что его об карету сначала ударило, это и спасло, оне когда подниматься стали, ясно было, что рука не движется, я его императорское... поднял... вот. В сей момент, как я подбежал, князя вырвало, пришлось его поддержать, оне над парапетом склонились, я опасался... а еще он говорить почти не мог. Тут еще двое. Один из-под обломков кареты выбрался, я это видел, а еще какой-то взялся, я не видел его не скажу – откуда.

– А что этот за один?

– Так из вас-с, ротмистр Третьего отделения. Он так ея императорскому высочеству и представился.

– Фамилия ротмистра?

– Так Рукавишников! Точно-с! Рукавишников!

– А тот, что из обломков выполз?

– Счастливчик тот? Почему счастливчик? Так карету вдребезги, а ему ничаво! Помял мундирчик, да пару дыр, да синяки – это отделался испугом! Я так понимаю, он его... адъютант при них состоял-с... Не иначе. Вот... Его импера... оне отодвинули как-то жестом в сторону жандарма, а потом еле-еле смогли приказания отдать, оный жандарм и помчался их исполнять...

– Что приказал? Не упомяну я... вот только да! Оцепление приказал. И найти. Не ведаю кого. Не сказал кого. Да-с.

– И этот жандарм...

– Рукавишников...

– Рукавишников... побежал искать неизвестно кого?

– Сиганул!

– Он был в мундире? Опишите.

– Никак нет-с. Он был в цивильном платье.

– Почему же вы решили, что это жандарм?

– Он так представился. Не мне, а их...

– Понял.

– Описать его можете?

– Да как его описать? Рот, нос, бакенбарды. Усов не было. А вот костюм одного господина очень даже приметный, из хорошего аглицкого сукна, я скажу вам, у нас есть немного мест, где такое сукно в работу возьмут, да еще и не испоганят. Так что плащ у него могли только в двух местах пошить, уж тут я могу точно сказать, там такая подкладка!

– А вы что же, портной? – не без сарказма поинтересовался жандарм.

– Что вы, как можно-с, мы по коммерческой части. Тканями торгуем-с...

– Хорошо. Оба адреса запишите. Отлично. Что дальше было?

– Значит, сначала князь только шатался, потом немного присел, к нему медикус подбежал, быстро голову перевязал и руку зачем-то на шарф. Говорил, чтобы князь немедля отправлялся в лечебницу, а тот только криво ухмылялся, думаю, болело у его знатно, да команды отдавал. А потом гвардейцы пришли, свитские, меня от князя оттеснили, вот-с...

– Это всё?

– Ах, вспомнил! Вот-с... мимо его императорского высочества носилки пронесли с оным сыном, Александром Михайловичем. Тот к носилкам бросился, увидав, что князюшка жив, перекрестился и долго молитвы говорил, одними губами. Да-с, а потом уже и свитские пожаловали, и медикус... да-с...

Глава девятая. Кто в ком, когда и где

С чего начать? С изучения карты. Как говорил наш дачный знакомый, бывший военный топограф: «Любой непонятный вопрос начинай решать, изучив сперва карту местности».

Игорь Аббакумов

Санкт-Петербург. 13 февраля 1880 года

Коняев (великий князь Александр Михайлович)

– Пить! Воды! Нет! Чаю. Горячего с сахаром или вареньем... Много чаю... Два стакана.

И только когда ангел умчался за чаем, я начал приходить в себя. Интересно, в кого я все-таки попал? И почему два стакана чаю это много? И что это за барышня в белом фартуке и столь же ослепительно белой косынке на русой голове? А личико у нее очень даже приятное... Стоп! Старый козёл! Соберись! У тебя информации гулькин хрен, а ты уже по бабам! Ну, был ты в молодости ходок, не без того! Ладно! Давай-ка, посмотрим и хоть крохи информации соберем... Во рту сушит безбожно! Точно! Мне говорили, что побочный эффект внедрения психоматрицы – обезвоживание. А еще меня из воды выловили! Вырвало, это потеря жидкости, опять-таки обезвоживание. В этой ситуации по инструкции ничего кушать пока нельзя. А вот горячее и сладкое питье – это как раз то, что доктор прописал. «Сандро»? Кто сказал «Сандро»? Так... а ведь что-то в голове осталось от предыдущего владельца? Осталось или нет? Ревизия! Здравствуй, память, к тебе приехал ревизор! Зеркало далеко! Нет, не дергаться! Нельзя. Никаких резких движений! Правильно! Когда попал – тонул, начал дергаться. Из-за этого и вырубился. Что-то было про перегруз нейронных соединений. Значит, если бы рядом кого-то не оказалось, то крышка мне была бы! Да! Карьера попаданца могли закончиться, так и не начавшись. Пока несут чай, пытаюсь сосредоточиться. Раньше этот прием, похожий на медитацию, у меня очень даже хорошо получался. Так и есть! Если представить себе память в виде стеллажей с кирпичиками знаний, то мой стеллаж конкретно так покорежило, много кирпичиков разрушено, а какие-то исчезают прямо на глазах... Стоп! Можно ситуацию затормозить! Анализ! Вот эти воспоминания самые свежие, они и тают быстрее всего... Но мне нужны эти, они самые устойчивые, базовые... ничего, пока они не рассыпались...

Сейчас разберемся... И мозговые клетки, в которых сохранились воспоминания и знания, принадлежавшие старому хозяину этого тела, подчинились. Информация стала поступать непрерывным потоком. Перед его мысленным взором на невидимом экране появилось изображение. Нет, это не было похоже на киносеанс. Скорее на просмотр презентации с прикрепленными к ней видеофайлами. Требовалось дополнительное усилие воли, дабы застывшие фигурки начинали двигаться и звучали голоса на русском, немецком, французском и английском языках. Но почему я их понимаю?! В школе, по причине увольнения «англичанки», пришлось изучать немецкий, а уже позднее, в студенческие годы, усердно штудировать «инглиш» и оттачивать умение перевода, читая единственно доступную в киосках британскую газету «Морнинг стар», а уж как занялся научной работой, пришлось подтянуть на твердую четвертку с плюсом. Но вот французский оставался только на уровне текстов песен Шарля Азнавура, Мирей Матье и Джо Дассена. А кадры продолжали сменять друг друга, причем строгой последовательности не было, как будто чья-то рука разрезала ленту диафильма на куски, а потом склеила в случайном порядке.

Твою дивизию, а что это, а что это за шкет, наряженный в полную военную форму, да еще и при сабле? Стоп, но это же я, тьфу, не я, а хозяин этого тела. А рядом ещё мальчишки, смотрящие на меня с плохо скрытой завистью и злобой. А этот бородач в генеральском мун-

дире, усыпанном орденами? Он кладет свою тяжелую длань мне на плечо, и я начинаю слышать его голос: «Не ссорьтесь, дети! Не дразните Сандро!» А это папа?! И на этом месте изображение исчезает. Так, разберёмся. Значит, я теперь не кто иной, как великий князь Александр Михайлович Романов, дядюшка последнего императора Всероссийского и одновременно его будущий зять. Приплыли. Я, конечно, надеялся, что мне достанется более молодое тело, чем то, в котором я доживал свой век, но это перебор. Я теперь четырнадцатилетний мальчишка, принадлежащий к «кавказскому клану» Романовых. Правда, император относился к нам с симпатией и выделял из прочих великих князей, но если он погиб при взрыве Зимнего, то значит, наш статус упадет ниже плинтуса, и Константиновичи во главе с «Николашей» не упустят свой шанс выжить нас со света, если не с белого, так из высшего это точно. Но тут опять включилась память Сандро, и я вспомнил или, точнее сказать, узнал, что во дворце собрались практически все Романовы, во всяком случае, из тех, кто находился не далее ста верст от столицы. А мой здешний отец, Михаил Николаевич, он жив? Мы должны были встретиться на набережной, но, судя по всему, там уцелели далеко не все. Что же делать?! Но больше я ничего не успел подумать. Юный организм уже не мог выдерживать насилия над и так пострадавшим телом и сознанием и отчаянно требовал покоя. Тут подоспел чай, я с наслаждением глотал тоненькую струйку, коей горничная меня поила, а кто-то невидимый поддерживал мою голову. Но вот привкус чая показался мне несколько странным, но я не успел ничего спросить, ибо глаза закрылись и наступил сон. Последнее, что уловил мой слух, были слова: «Я добавил немного лауданума. Ему нужен покой... Абсолютный покой».

Конохов (великий князь Михаил Николаевич)

Это не сон! Б...дь! Это не сон! Проснувшись, ловлю себя на использовании великого и могучего в исключительно матерном варианте. А что вы хотите? Три раза ущипнул себя и две затрешины отвесил. Синячищи будут! И не проснулся! А я был уверен, что это все сон – галлюцинация, на худой конец, что очнусь и всё вернётся на круги своя. Вчерашний день? Я и принял его как сон! Я игрался в него, как будто играю в компьютерную игру, вы разве никогда не примеряли на себя тогу римского императора или треуголку Наполеона? Лично мне нравилось в виртуальный ранец положить маршалский жезл. Я предпочитал играть Мюратом. Лихой рубака был когда-то. Игр таких, псевдоисторических, до чертиков и больше! Вот я и отыграл... Поражала разве что реалистичность картинки и нереалистичность происходящего. Картинка была настолько настоящей, что мне стоило огромных сил удерживать свое сознание в игровых рамках. А помогало этому то, что ни в какой реальности не могло быть такого взрыва в Зимнем дворце. Да, я хорошо помнил, что Халтурин заложил в печку на первом (точнее, подвальном или цокольном) этаже два-три пуда динамита, который был создан революционерами-химиками в подпольной лаборатории. Но в результате взрыва пострадало только несколько залов, рухнули кое-где перекрытия, но даже фасад дворца остался цел, не считая вылетевших окон, разумеется. Таких разрушений быть не могло! Вот это и спасло мой мозг и не дало сойти с ума моментально! Теперь понимаю, что досталось-то преизрядно. Всем! Я еще какое-то время был оглушенный, прохрипел только: «Пить!» Это я точно помню. И воду принесли. Потом один из доброхотов поднес флягу с чем-то забористым, но от аромата крепкого алкоголя чуть было не вырвало, еле успокоил разбушевавшийся организм! Закашлялся и потребовал еще воды. Но кто-то догадался поднести чаю, этот кто-то вообще оказался расторопным малым – его работники самовар притащили еще до оцепления и отпаивали горячим чаем уцелевших. Надо узнать, кто это был такой... Я видел, что работники – здоровые мужики – оставили самовар на трех девиц, одетых в теплые одежды, которые возились с колотым сахаром и заварочником, а сами бросились к развалинам, вытаскивать, вот только инструмента у них не было никакого! После чаю ко мне вернулся слух и голос стал более... четкий... вот, правильное слово! Понял, что я какой-то начальник, большой чин, скорее всего, но видя, какой тут бардак творится, стал

давать приказания, тем более что появились преображенцы. Почему они? Так форма... ее не спутаешь, тем более мне нельзя такие вещи путать!

– Егор! – Стоп! Откуда я знаю, что это Егор? Даже так: Егор Рачевский, мой секретарь или адъютант? – Егор! Преображенцев в оцепление ставь! Никаких улик исчезнуть не должно! Из зевак, что целы, отобрать – пусть раненых собирают... Инструмент нужен! Лошади нужны! Вот! У Исакия извозчики стоят! Всех сюда! Пусть часть раненых увозят. Всех в военный госпиталь! Всех! А самые крепкие кони сюда – помогать завалы растаскивать! Инструмент нужен!

– Ваше...

– Отставить! Без титулования! Времени нет!

– Тут неподалеку стройка есть, там...

– Дельно! Действуй!

Тут ко мне командир преображенцев явился, честь отдал... Я на него прикрикнул, чтоб без титула и только по делу.

– Михаил Николаевич! Может, мои начнут завалы разбирать? Сейчас еще набегут, а нам бы...

– Голыми руками? Николай Андреевич... – Откуда я знаю... ага, гвардия все-таки, должен их знать по имени-отчеству, – увольте! Пошлите самых крепких десятков парней – тут стройка рядом, вот, Егорка укажет, весь инструмент и рабочих всех сюда! Веревки! Этих, что с самоваром, – не трогать! Всех, кого вытащите, отпаивать горячим чаем, если в сознании. Я должен точно знать, кто это сделал. Тут жандармы есть?

– Не могу знать, только прибыл.

– Вон они, а вы молодцы, раньше голубых мундиров прибыли! Сейчас в оцепление жандармские станут, будете формировать рабочие бригады с инструментами, стараться быстро работать, не путаясь друг у друга под руками...

Умчался. Но тут меня уже окружили еще военные. Эти из Генштаба или Адмиралтейства? Б...! Генералы одни. А кто спасательными работами заниматься будет? Полковникам да каперангам всяким приказывать завалы ручками своими разбирать?

– Ротмистр Коновалов, ваше императорское высочество! Ставим оцепление!

Александр! В голове как набатом! Мы должны были собираться в столовой, как мне сообщил брат, Мария Александровна хотела сообщить нам свою последнюю волю. Завещание. Столовая! Где был эпицентр взрыва?

– Извините, что? – удивленно переспрашивает жандарм. Это, получается, я последнюю фразу вслух выговорил? Надо контролировать себя. Лучше надо себя контролировать...

– Ротмистр... Первые команды направить... Знаете, где была столовая? Не важно... вот – на этот угол сюда... Ищите семью императора. Молите Бога, чтобы его императорское величество не добежал до столовой.

После этого, поддерживаемый несколькими полковниками, следую к скамейке, которую уже подняли, на которую мою тушку и усадили. Такое у меня скамеечное руководство получилось. Была у меня небольшая надежда, что император мог остаться в живых: его покои находились достаточно далеко от столовой; судя по всему, эпицентр взрыва был именно под нею. Значит, Халтурин! Его динамит сработал!

А тут, смотрю, прибыли пожарные команды. С облегчением смотрю, что тут пятерка пароконных бочечных бригад прибыли. Вот только всем им тут делать нечего: я заметил две-три дымящиеся точки, удивительно! Какой сильный взрыв был, судя по всему, а пожаров-то кот наплакал. Ох! Как-то тут нечисто все с этим взрывом! Усачи с блестящими шлемами быстро стали накачивать воду, так что дымки погасили весьма оперативно. Нашлись у них и топоры, и несколько багров, так что стало веселее, а тут и рабочие с инструментом прибежали, теперь их расставить по местам правильно, чтобы не толпились! А... вот, есть кому командовать, молодец, вижу, человек с опытом... Записать потом всех отличившихся и наградить...

А теперь по поводу первичной идентификации личности. Мой персонаж – Михаил Николаевич Романов. Великий князь, младший брат императора Александра Николаевича, сын Николая Первого, прозванного революционерами Николаем Палкиным или Николаем Кровавым.

Но мою дальнейшую персональную ориентацию прервали появившиеся весьма солидные люди: Иосиф Васильевич Лутковский, гражданский губернатор Санкт-Петербурга, временный генерал-губернатор Санкт-Петербурга, легендарный генерал Йосиф Владимирович Гурко (он был и командующим гвардейскими частями), градоначальник Санкт-Петербурга Александр Елпифидорович Зуров, председатель комитета министров Петр Александрович Валуев.

В этом кругу и организовалось что-то вроде полевого штаба по устранению последствий взрыва в Зимнем дворце.

Валуев

Долиберальничались! О страшном взрыве я не мог не услышать! Во многих зданиях Санкт-Петербурга вынесло окна, осколки стекла засыпали мостовые. Мой экипаж подъезжал к Бирже, чтобы потом по мосту переехать к Зимнему. У меня был запас времени, государь просил прибыть в Зимний к двум часам пополудни, однако меня попросил поторопиться флигель-адъютант императора, фон... Эм... Эх... ах, как мне эти немецкие фамилии осточертели! Фон Энден! Вот! Он говорил, что государь оставил мне записку, с которой необходимо ознакомиться *до* нашей встречи. Ну что же... а потом вот это взрыв... Мой экипаж оказался прикрыт от ударной волны зданием Биржи да Божьим Провидением, посему и не пострадал. Я же говорил государю, что в борьбе с революционерами необходима твердость. Даже не так – жестокость! Жаль, в свое время Мезенцов был убран с пути... Петр Александрович трусом себя не считал, но он был из породы очень осторожных политиков, поэтому, скорее всего, и дожил до достаточно почтенных лет, да еще будучи на столь головоломных должностях. Но себе-то председатель комитета министров мог признаться: он был трусом. Слишком осторожничал, предпочитал, чтобы грязные и жестокие решения принимали другие. Так, в самом начале сего года государь намекнул ему, что хочет поручить борьбу с революционным движением Лорис-Меликову, человеку, известному весьма «аккуратным» подходом к господам террористам. Петр Алексеевич считал, что Микаэл Таризелович на такую работу не годится. Но промолчал, смалодушничал, не перечил государю... Вот и долиберальничались! И он, и государь, и его ближние! От взрыва мост оказался поврежденным, но объезд – это потерять сколько времени! Впрочем, время и тут было потеряно... правда, не так уж и много. Пока кучер и адъютант обследовали мост, по которому никто еще не решался ехать, пока экипаж весьма осторожно перебрался к Дворцовой площади!

Тут я увидел на скамье Михаила Николаевича, младшего брата государя. Он был ранен: повязка на голове, рука на перевязи, видать, серьезно пострадал. При этом сам великий князь оставался деятельным, сосредоточенным, хотя состояние его здоровья внушало мне серьезные опасения. Несмотря на это, Михаил Николаевич сохранял ясность ума и руководил спасением тех, кого можно было спасти. Его указания были четкими и по-военному краткими. Прибывшие по его указанию медики старались оказать помощь тем, кого обнаружили на площади с травмами и ранениями, при этом имена и фамилии, как и адреса, не только пострадавших, но и свидетелей тщательно записывались. Прибывшие гвардейцы, а позже жандармы оцепили место трагедии. К удивлению, я не увидел около великого князя никого из руководителей корпуса, что меня весьма удивило, прибывший позже всех начальник штаба отдельного корпуса жандармов, генерал-майор свиты Его Императорского Величества Петр Александрович Черевин сообщил, что начальник Третьего отделения Никита Конрадович Шмит и их шеф Александр Романович Дрентельн были вызваны к государю заранее, должны были встретиться с государем *до* собрания Романовых в Зимнем дворце.

Каждый из нас, присутствовавших при этом страшном событии, делал то, что положено ему и что было в его силах. Меня опять поражала стойкость Его Императорского Высочества Михаила Николаевича, впрочем, как настоящий боевой генерал, он не мог поступать по-другому, но силы его были на исходе... Когда из руин достали тело его августейшего брата, обезображенного, но узнаваемого, к сожалению, покойного, а случилось это уже без четверти в полночь, Михаил Николаевич потерял сознание и был доставлен домой, в Новомихайловский дворец. Это избавило его от тяжести созерцания разорванных и обезображенных тел множества из членов императорской фамилии. Я выдержал это испытание стойко, но утром понял, что потерял способность спать совершенно... И только усилиями своего врача сумел забыться на несколько коротких утренних часов.

Глава десятая. Главное и неотложное

*В истории человечества побеждали те, кто научился
сотрудничать и эффективно импровизировать.*

Чарльз Дарвин

Санкт-Петербург. 13 февраля 1880 года

Конюхов (великий князь Михаил Николаевич)

Наверное, я проснулся слишком рано. Настолько рано, что имел время кое-что обдумать. Прощипанные места болели, да еще как! Это напоминало мне, что я перенесся во времени и куда-то там попал. В кого я попал, я уже знал. Когда встал, выяснил, какое сегодня число. Вот только никак эта дата со взрывом Халтурина не совпадала. И по разрушающей мощи взрыва тем более.

Сказать, что вчерашний день меня утомил, это было мало. Он из меня вытряхнул все силы. Сон, так, спал я шесть часов всего, но этот отдых меня освежил. Хорошо, что не освежевал, попасть в такую передрыгу! А тут еще и все мои исторические знания оказываются к чертовой бабушке! Ну что, батенька, линкор «Ямато» закладывать на Санкт-Петербургской верфи не собираюсь, ядерен батон тоже подождёт до лучших времен, стихосплетничать, но в великие поэты не попал – пришлось идти в историки. А тут попал в Историю, м-м-м... Выдав боцманский загиб в собственной интерпретации, понимаю, что разлёживаться мне ну никак нельзя! Придется ориентироваться по ходу дела. Так! Вчера вроде начали инвентаризацию Романовых... Кто там у нас в живых остался? Что? Циник? Да нет, это такая защита мозга от перегруза. Во мне еще сильна личность Михаила Николаевича. Если бы вы знали, какое безысходное горе я почувствовал, когда увидел среди обломков тело моего царственного брата, увы, покойного! Еще повезло, что его было легко опознать – взрыв произошел, когда он спешил в обеденную залу; есть надежда, что удар рухнувших перекрытий подарил ему быструю и легкую смерть... Но что творилось в самом обеденном зале! И зачем эта великосветская тусовка поехала туда с детьми? Разве что самые малые остались дома с кормилицами, остальным что, так засвербело... прощание с императрицей! Да, Марию Александровну любили, это правда. Ладно...

Встав, стал осматривать помещение... Апартаменты великого князя. Ах, вот оно что... Позволив телу самому действовать, чуть отстраненно наблюдал за тем, как слуга появляется, повинувшись жесту императорского брата, исчезает, чтобы восшествствовать с водой, предметами для умывания, полотенцем, как хорошо, что имею эту привычку – смотреть на себя вроде как издалека. Как говорится, контузия в помощь! Батюшки, так у моего Михайлы свет Николаевича тоже контузия получается! Вот уж да!

Ты умывайся. А я пока осматрюсь: апартаменты так себе – слишком аляповато и безвкусно. Мне милее минимализм. Чтобы дорого, немного и со вкусом. Вот тут всего много, очень дорого и совершеннейшая безвкусица. Тут кабинет виден... Так разве в нем можно работать? Тут никакой фэншуй не поможет. В этом нагромождении всего... табакерка тут н... зачем? А эти безделушки? Память о боях и походах! Нет, дорогие вы мои! Первое, что надо будет сделать – рабочее место себе правильно организовать! Кто эти обои сюда напаялил? Ага, кто-то что-то подсказывает... Супруга моя дражайшая. Бах! А что я про свою супружницу помню? Стоп! Без эротики и порнографии! Князюшка! Мне тоже ничто человеческое не чуждо, но... скромнее будем, договорились? К сожалению, понимаю, что личность самого Михаила Романова стерлась, а я пользуюсь некими фрагментами ее. Получая их по запросу... даже так... Значит, надо правильно фильтры задавать. Привычно одеваюсь. Задаю правильный

вопрос прислуживающему при одевании, супруга моя почивать изволит около кровати Сандро, ну что же, можно сэкономить немного времени: перенесем знакомство с информацией на попозже. Отказавшись от кофе, спешу в экипаж и мчу к месту катастрофы.

Валуев

Есть времена, когда спать вредно для пользы Отечества. Наутро было назначено совещание комитета министров, но и сейчас, поздно ночью, власть имущие не спали. В особняке Петра Александровича Валуева собрались люди, которых можно было бы с уверенностью назвать лидерами консервативной партии в Российской империи, если бы такая партия официально существовала. Фактически это была группировка высших сановников, недовольных реформами Александра Второго и уверенных, что стране нужен новый, более жесткий курс. Несомненно, эта партия имела свой вес благодаря позиции наследника престола, великого князя Александра Александровича. Увы, но среди погибших при взрыве Зимнего дворца был и цесаревич. Его обнаружили и опознали одним из первых в том кошмарном месиве, что осталось от обеденной залы. Надо сказать, что лично Петр Алексеевич был человеком неординарным: будучи противником либеральных преобразований, занимал высокие посты при царе-реформаторе, умудряясь, по изречению одного мудреца, «проскочить меж капель дождя». Проводя несколько либеральных преобразований, ухитрялся выпуском циркуляров и прочей бюрократической волокитой их же и свести к нулю (пример – цензурная реформа, которая вместо облегчения цензуры вылилась в ее ужесточение, да еще и вишенкой на тортике шло почти полное запрещение издания книг на малоросском диалекте). Человеком он был неординарным, крайне работоспособным. В свое время сочетался браком с дочерью поэта Вяземского. Что удивительно, женился по любви, Мария Петровна считалась в свете дурнушкой, но влюбленный сего не замечал. Его жизнь омрачили неверность супруги и ее ранняя смерть от холеры. Вторая попытка обрести семейное счастье оказалась более удачной. Дочь рижского полицмейстера Анна Ивановна Вакульская оказалась достойной женой и хозяйкой, красавицей не считалась, но была миловидна и чем-то напоминала первую супругу действительного статского советника Валуева. Не был чужд Петр Александрович и литературному труду, пописывал, но чаще предпочитал полемизировать в журналах со своими оппонентами.

Хозяин довольно роскошно обставленного кабинета окинул взглядом прибывших по его просьбе господ, большинство из которых выглядели потрясенными и откровенно растерянными.

Наверное, самым собранным из всех был обер-прокурор Святейшего правительственного Синода, граф Дмитрий Андреевич Толстой. Будучи выходцем из довольно захудалой ветви Толстых (поволжской), сумел сделать довольно неплохую карьеру, став не только обер-прокурором Синода, но и министром просвещения и немало сделав на этом поприще. Имел влияние на наследника престола.

Рядом с ним сидел известный издатель и публицист Михаил Никифорович Катков. Они сблизились во время образовательной реформы 1871 года, в основу которой легли идеи господина Каткова. Так, в гимназиях увеличили часы преподавания математики, греческого и латыни, реальные гимназии были преобразованы в реальные училища, а право поступать в высшие учебные заведения получили только выпускники классических гимназий. Идея Каткова заключалась в том, чтобы привить молодежи умение самостоятельно мыслить, как средство против европейского вольнодумства. При этом улучшилась база высшего образования, позволявшая получать приличное образование в стране, а не за ее пределами. Будучи единомышленниками, считали либеральную заразу огромной опасностью для империи и противостояли реформам невинно убиенного Александра Второго.

Не менее влиятельной фигурой в среде контрреформаторов был сенатор Константин Петрович Победоносцев, критик либерализма, учитель Александра Александровича, человек острого ума, имевший весьма обширные познания в самых разных сферах.

Еще одним известным лицом был сенатор и член Государственного совета генерал-адъютант Александр Егорович Тимашев, который, еще будучи шефом жандармов, был известен как сторонник жесткого курса по отношению к революционерам. Это было причиной его опалы: методы генерала не понравились государю, последовала отставка, назначение министром почт и телеграфа, а потом и сенаторская почетная необременительная должность.

Важными фигурами, которые не входили в число противников реформ, были генерал-губернатор Санкт-Петербурга и командующий гвардией генерал-адъютант Иосиф Владимирович Гурко, герой русско-турецкой войны 1877–1878 годов, и министр внутренних дел Лев Савич Маков. Но если в Гурко, который не мог после убийства государя не быть сторонником жестких мер, Пётр Алексеевич не был уверен до конца, без него задуманное Валугевым никак не могло осуществиться, то на Макова, грешившего по финансовой части, глава комитета министров мог положиться, залогом уверенности была папка с компрометирующими документами, которые можно было использовать в любой удобный момент²⁸.

– Господа! Помолимся за принявших мученическую смерть государя с семьей и многия с ними...

Валугев перекрестился, четко и спокойно произнес слова молитвы «Отче наш», ему последовали все присутствовавшие.

– Господа! В этот трудный час нам надо определиться с тем, кто встанет у руля государства. Прошу вас высказываться, тем более что выбор наш на самом деле невелик. Прошу быть кратким. Речи свои обосновывать.

– Согласно закону о престолонаследии, после смерти государя ему наследуют старшие дети мужского пола. Это по старшинству: Александр Александрович, Владимир Александрович, Алексей Александрович, Сергей Александрович и Павел Александрович, – подал голос министр Маков.

– Господа, вынужден с прискорбием сообщить, что Александр Александрович найден мертвым. Владимира Александровича, пребывавшего в курительной комнате, удалось достать, он был жив, но врачи не дают ему ни малейшего шанса. Неизвестна судьба Алексея Александровича, но на сей момент предполагают, что он находился в момент катастрофы в Зимнем, нам необходимо исходить из того, что он мертв. Обнаружены и останки Павла Александровича. Единственным выжившим из детей Александра Николаевича стал Сергей Александрович, полковник гвардии, который прибыл к дворцу с заметным опозданием, что сохранило ему жизнь, но он получил сильнейшую контузию, был вывезен от Зимнего и находится под наблюдением врачей. По их мнению, рассудок его императорского высочества помутился, и никаких гарантий выздоровления они не дают, – по-военному четко доложил генерал Гурко.

– Иногда Судьба сама спасает Россию. С одной стороны, Сергей Александрович сторонник жесткой линии борьбы с революционной заразой, с другой – он непоследователен, отличается неуравновешенным характером, а его наклонности свидетельствуют о том, что наследника престола мы можем и не дожидаться, следовательно, кризис наследования просто будет на какое-то время перенесен. Следовало бы направить к нему комиссию врачей, которая могла бы информировать нас о состоянии его душевного здоровья и возможности исполнения им обязанностей государя.

Высказав столь смелую мысль и намекнув на гомосексуальные предпочтения великого князя, сенатор Протопопов откинулся на спинку кресла и осмотрел всех присутствующих.

²⁸ В РИ Лев Савич Маков покончит жизнь самоубийством из-за его расследования финансовых злоупотреблений на посту министра почт и телеграфа.

Если бы не было Гурко и Макова, он мог бы говорить и более откровенно, но сейчас достаточно было и того, что сказал.

– Господа! – голос Валуева был достаточно тихим, но при этом слова отдавали свинцом. – Ситуация в стране чрезвычайная! Фактически идет война! Мы не знаем, кто на нас напал, мы не знаем цели врага, но удар, нанесенный державе, заставляет нас идти на чрезвычайные же меры. Вы знаете, что по акту о престолонаследии императором должен стать Михаил, сын Александра Александровича, так как Георгий и Николай были в Зимнем, и, скорее всего, они погибли. Я считаю, что в такой ситуации устанавливать регентство – это преступление и еще большее ослабление государства. Мы должны исключить даже мысль о малолетнем императоре при регентском совете, иначе державе не устоять перед опасностью уничтожения!

В кабинете наступила тишина. Фактически глава комитета министров предлагал ни много ни мало, а преступить через «Акт о престолонаследии»²⁹ императора Павла Петровича, но ситуация... Самым гибким оказался ум министра внутренних дел. Лев Савич что-то поприкидывал мысленно, после чего высказался следующим образом:

– Но в таком случае наследницей престола можно считать Марию Александровну, как дочь покойного государя, а с нею у нас может нарисоваться и британский принц-консорт, которого королева Виктория может признать императором российским.

– А не жирно ли будет британской королеве так Россию подчинить? Не кажется ли вам, господа, что именно целью восшествия на престол Альфреда хоть принцем-консортом, хоть тушкой, хоть чучелом и была причина происшедшего нападения на семью Романовых? Нашей британской партии, что кормится от милостей посольства, такой подарок более чем великолепен, они готовы признать императором даже дворнягу Тузика, ежели он будет твякать по-английски! Вот только где окажется Россия и куда последуем мы: в Сибирь или на плаху? – Что хорошо умел делать генерал-адъютант Тимашев, так это расставлять акценты. Он был всегда прямолинеен, не стеснялся в выражениях, что и повлекло немилость государя и отставку его с должности шефа жандармов. Но на своих бывших подчиненных влияние сей одареннейший человек, несомненно, имел. После его слов в кабинете опять повисло напряженное молчание.

Следующую идею подал, как ни странно, Протопопов, известный славянофил:

– Господа! А если посмотреть на ситуацию со стороны лествичного права?

Это идея господам сразу же пришлась по душе. Во всяком случае, Валуеву, который к этому и подводил разговор. Опять в разговор вступил Маков:

– Тут, господа, ситуация намного проще: всего два претендента в живых, Николай Николаевич и Михаил Николаевич. Константин Николаевич находился во дворце, погиб, его рано утром опознали среди мертвых тел. Николай Николаевич на данный момент недееспособен: он прооперирован по поводу рака, находится в тяжелом состоянии, и нет никакой известности, сумеет ли поправиться. Остается Михаил Николаевич.

За что Валуев «любил» министра внутренних дел, так за то, что тот четко умел улавливать веяния времени и действовать в соответствии с мнением «подавляющего большинства». Вот не подводил разговор Петр Алексеевич к личности Михаила Николаевича, а Лев Савич всё

²⁹ В Акте определялось преимущественное право на наследование престола за мужскими членами императорской фамилии. Женщины не были устранены от престолонаследия, но преимущество закрепляется за мужчинами по порядку первородства. Устанавливался порядок престолонаследия: в первую очередь наследие престола принадлежало старшему сыну царствующего императора, а после него всему его мужскому поколению. По пресечении сего мужского поколения наследство переходило в род второго сына императора и в его мужское поколение, по пресечении же второго мужского поколения, наследство переходило в род третьего сына и так далее. При пресечении последнего мужского поколения сыновей императора, наследство оставлялось в том же роде, но в женском поколении. Такой порядок престолонаследия абсолютно исключал борьбу за престол. В «Акте» содержалось также положение о непризнании законными женитьб членов императорского дома без дозволения государя. На случай восшествия на престол несовершеннолетнего государя было предусмотрено назначение правителя и опекуна. В «Акте о престолонаследии» содержалось также очень важное положение о невозможности восшествия на российский престол лица, не принадлежащего к православной церкви.

почувствовал и озвучил. Боится потерять расположение покровителей. Это правильная позиция! Посмотрим, что скажут окружающие.

– Господа! В ситуации войны нам нужен государь-воин. Михаил Николаевич показал себя во время происшествий в Зимнем дворце с самой достойной стороны: несмотря на контузию, остался на боевом посту, руководил оказанием помощи пострадавшим и спасательными работами во дворце, и только сильнейшее нервное напряжение вынудило его покинуть место трагедии. Он проявил себя во время всех военных кампаний нашего государства, имеет опыт государственного правления. Кому же, как не ему встать во главе Отчизны в столь страшный момент? – Голос генерала Гурко звучал громко и четко. В любом случае, он высказал то, ради чего тут собрались представители консервативных и контрреформаторских сил Российской империи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.